

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК



НОВАЯ ЭРА

ИЛЬЯ МЕЛЬЦОВ



КНЯЖЕСТВО ОРЛОВСКОЕ ВОЙНА

НАСТАЛО ВРЕМЯ УБИВАТЬ

Фантастический боевик. Новая эра

Илья Мельцов

Княжество Орловское. Война

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мельцов И. Н.

Княжество Орловское. Война / И. Н. Мельцов — «Издательство АСТ», 2023 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-156863-4

Человек с Земли, носящий теперь имя Даррелл Фишер, узнал, кто ответственен за смерть родителей Даррел-ла, овладел магией и прошел испытание, в котором едва не погиб. Передышка закончилась. Княжество Орловское стоит на пороге войны, и в этих условиях курсантов отправляют на границу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156863-4

© Мельцов И. Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Илья Мельцов
Княжество Орловское
Война

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»
Выпуск 44

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК  НОВАЯ ЭРА

Иллюстрация на обложке Сергея Курганова
Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Илья Мельцов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Илья Егорович Елагин, племянник князя Голицина, с самого пробуждения чувствовал себя неважно. Непонятное недомогание, преследующее его, с каждым днем все больше давало о себе знать.

Все началось полгода назад, когда он – влиятельный дворянин, один из приближенных к правителю княжества – слег на неделю с банальной болезнью легких. Самые лучшие лекари боролись за жизнь аристократа, и в итоге хворь была побеждена, но, по-видимому, дала осложнения, из-за которых Илью Егоровича начала мучить постоянная слабость, а по ночам он страдал от невнятных, незапоминающихся видений.

Недомогание, вызванное болезнью, победить не удавалось. Лекари разводили руками, а к жрецам Четырех Илья Егорович обращаться не рисковал: внутренний голос твердил, что добром общение со служителями богов не закончится. К интуиции дворянин привык прислушиваться – она пока что ни разу его не подводила.

День клонился к закату. Выпив горький отвар, который по обещаниям лекарей должен был даровать ночь без сновидений, Елагин устало закрыл глаза, чтобы больше не проснуться... На его месте оказалась новая личность.

Битрикс

Сбросив с себя тяжелое одеяло, которым так любил укрываться Елагин, Битрикс поднялся с кровати. Полгода он провел в заточении, изучая привычки, манеру поведения, характерные фразы своего носителя. Полгода он удерживал строптивого дворянина от общения со жрецами Четверых. И наконец, свобода. Наконец-то можно управлять телом самостоятельно, а не быть безучастным статистом, спрятавшись на задворках сознания.

Первая часть плана повелителя прошла без осечек. «Осечки»... От таких слов надо отвыкать, в этом мире огнестрел не прижился, а лишние вопросы Битриксу не нужны. Он привлекать к себе внимание не должен, для этого существует еще один пришелец, которого жрецы Четырех так и не поймали. По крайней мере, люди в городах все еще пропадали в застенках монастырей, а значит, поиски продолжаются.

Полгода, проведенные на окраине сознания Елагина, позволяют Битриксу без проблем продолжить изображать из себя недомогающего дворянина. Пройдет еще пара месяцев, и никто уже не заметит небольшие странности в его поведении, тогда-то можно будет приступить к главной задаче, ради которой повелитель прислал сюда своего слугу.

Две тысячи лет назад, когда современные княжества еще не существовали, пятеро великих магов того времени достигли в своем могуществе таких высот, что начали считать себя богами. Несколько столетий они правили этим миром, но однажды Четверо объединились, чтобы убить того, чье имя за давностью времен забылось, осталось только прозвище – Пятый.

Они вероломно напали на бога, но убить не смогли – он оказался для них слишком силен, однако противостоять объединенной четверке повелитель Битрикса не мог, и ему пришлось бежать.

Миров, где магия могла даровать Пятому те же возможности, что и здесь, почти не было, а те, что нашлись, охранялись своими богами, и беглому существу там места не нашлось.

Скитания по вселенным длились столетия, и всё это время изгнанный бог мечтал вернуться домой. И именно Битрикс должен был помочь этим планам осуществиться.

Четверо закрыли мир, но в любой защите можно найти брешь, и Пятый смог отправить сюда двоих – случайного человека, служащего для отвлечения внимания жрецов, и Битрикса – верного слугу, который должен захватить власть в княжестве и бросить все силы государства на постройку грандиозного артефакта, который откроет повелителю дверь в эту реальность.

Глава 1

– Даррелл! Даррелл! – оторвал меня от медитации взволнованный голос Витька. Новая техника, которой нас обучили в самом начале весны, позволяла очень точно чувствовать токи силы во всем теле и держать постоянную связь с магическим полем. А возможность мгновенно призвать себе на службу невидимую энергию, пронизывающую эту планету, мне очень понравилась. Естественно, любое заклинание, чуть более сложное, чем рассекающий удар или защитная сфера, требовало определенного времени на подготовку, но в любом случае медитация оказалась крайне полезной техникой.

Я привычно расположился на небольшом пригорке, откуда был виден практически весь интернат, и наслаждался по-летнему ярким солнцем. Стылая осень и малоснежная зима остались позади, зелень, бурно выстрелившая пару месяцев назад, затянула все доступное пространство, а поляны пестрили цветами разной степени яркости. И эту идиллию разрушил вечно взъерошенный и суетливый Витек:

– Даррелл! Ты слышишь меня, или как?

– Что случилось? – открыл я глаза. – Ты так кричишь, будто умер кто-то.

– А... – разочарованно протянул пацан. – Так ты уже знаешь.

– Понятия не имею, о чем ты. Давай только коротко и по существу.

– Юрий Орлов умер! Убили его, представляешь!

– Это который брат князя? Он же ни разу не слабее Александра. Ты вообще откуда об этом узнал?

– Так все говорят! Приехал днем обоз с продуктами, вот извозчик и рассказал. Говорит, напали на Юрия, когда он на границу ездил с проверкой. Даджохи убили, не иначе.

– Это тоже извозчик сказал?

– Не, это уже я додумал, – ухмыльнулся Витек. – Ну сам посуди, кто еще может мага из княжеского рода убить, если не убийцы магов? Сходится? Сходится.

– Может быть. Ну допустим, убили Юрия, нам-то что с этого? Ты ко мне так бежал, будто в интернат сам князь приехал.

– Так война будет. Говорят, Александр сейчас за брата мстить пойдет и всех воинов своих собирать начнет.

– Витек, говорить могут все что угодно. Не стоит верить слухам, они редко оказываются правдой.

– Умничаешь, как всегда, – отмахнулся парнишка, – ну ладно, я побегу еще кому-нибудь расскажу.

Витек за семь месяцев, прошедших со дня испытания, практически не изменился. Все такой же беспокойный и острый на язык, когда не надо. Магом он так и остался посредственным – слабый дар не позволял показывать хорошие результаты, что не мешало пацану из раза в раз попадать в неприятности. Он даже в холодной побывал опять, хотя и зарекался туда попадать.

Полгода пролетели совершенно незаметно. После испытания, ставшего смертельным барьером для восьмерых курсантов, жизнь интерната вновь установилась, разбавляемая редкими конфликтами среди воспитанников да несколькими случаями травматизма во время учебных спаррингов, один из которых, к сожалению, привел к гибели невезучего парнишки. Таким образом, нас осталось в группе двенадцать человек.

Практически незаметно подкралась осень, забрав тепло и принеся с собой промозглые вечера и длительные дожди. Отопления в казармах предусмотрено не было, и пацаны по очереди, как могли, обогревали помещение с помощью магии, хорошо хоть теплую одежду нам выдали. И только мы привыкли к этой погоде, нагрянула зима. Малоснежная, совсем не такая,

к которой я привык на Земле, но все же зима. И прохлада осени начала вспоминаться с теплом, как бы смешно это ни звучало.

В один из таких стылых дней Даррелл отпраздновал пятнадцатилетие, а еще через неделю я – свои тридцать два года. Не знаю, случайно ли так вышло, но родились мы в один и тот же месяц, конечно, если посчитать, что время в наших мирах текло одинаково и сюда я попал в тот же день, что и умер на Земле.

Вслед за редкими снегопадами, идущими чаще всего вперемешку с дождем, пришла долгожданная весна. Даже пары месяцев отвратительной погоды хватило всем, чтобы соскучиться по солнечным дням, а мне – по центральному отоплению. Да и в баню я бы не отказался сходить. Жаль только, что такой возможности нам никто не предоставил.

Почти год минул, как я находился в интернате. Три месяца – до испытания и семь – после него.

Испытание. Вряд ли я когда-нибудь забуду тот день, когда восемь из тридцати двух воспитанников погибли под мечами плененных воинов Каспийского княжества. Пацанов было до сих пор жаль, а при воспоминаниях о княжиче Георгии кулаки у меня сами по себе сжимались в бессильной ненависти. Во многом из-за этого гаденьша так много парней сложили голову на арене. Да и сам я чуть не погиб. Со временем злость немного поутихла, но не до конца.

Десять месяцев в интернате дали мне многое, и в первую очередь это – возможность освоить магию. Дар, что достался Дарреллу от двух линий довольно знатных предков, одним из которых являлся, кто бы мог подумать, Клайд Гибсон – глава Берегового союза, позволял манипулировать магическим полем, но самостоятельно освоить все возможности не представлялось возможным. Уверен, что персональные наставники, доступные большинству отпрысков дворянских домов, могли бы научить меня большему, вот только где их взять? Так что обучение в интернате оказалось отличным выходом из моего непростого положения.

К сожалению, за последние пару месяцев я все чаще ловил себя на мысли, что мое развитие остановилось. Я слишком сильно перерос всех, кто учился вместе со мной. И дело тут не столько в усердии, сколько в банальном происхождении. Слабый дар одноклассников не позволял им осваивать сильные заклинания, по крайней мере сейчас. Хотя, глядя на то, как тренируются старшие курсы, не думаю, что в дальнейшем многое изменится. Само собой, были среди воспитанников и обладатели сильного дара, вот только насчитывались их единицы. В нашей группе, к примеру, такими оказались всего трое, если не считать меня, – Ждан, Берг и Капитон. Причем они так явно выделялись на фоне остальных, что невольно закрадывались подозрения, не являются ли они отпрысками каких-нибудь любвеобильных дворян?

Уверен, связи между простолюдинами и аристократами редкостью не являлись, вот только в этом обществе подобное чрезвычайно сильно порицалось, и плоды подобной любви изводили еще в утробе матери или избавлялись от них сразу после рождения. Но, как видно, кто-то выживал. У таких бастардов, вероятно, обнаруживался дар, и в итоге интернаты пополнялись потенциально сильными магами. Хотя с обычными дворянами и они сравниться все равно не могли – разбавленная кровь, как ни крути.

Вот и получилось так, что в нашей группе были слабые ученики, сильные и я. Занятия, посвященные магии, мне с каждым днем становились все менее интересны, приходилось большую часть свободного времени тратить на самообучение, как, например, сейчас. Увы, но доступ к индивидуальным тренировкам с Михаилом у меня закрылся сразу, как кончились деньги, а достать их было неоткуда. Имелись, правда, мысли, что можно каким-то образом получить деньги со счета отца Даррелла, но, увы пока я числился воспитанником интерната, любые финансовые операции мне были недоступны.

Думал я и о том, что можно занять денег у Дементьева (мы поддерживали с ним связь через письма), но этот вариант тоже отпал: у Григория начались серьезные проблемы, связанные с бизнесом. Как он и предполагал, столичное дворянство, не без участия княжьей семьи,

пыталось отобрать у него заводы, придерживаясь пока что законов, но долго они в либеральность играть не будут, и рейдерский захват вполне мог стать реальностью в ближайшее время. Так что у Дементьева и без меня хватало неприятностей.

«No money, no honey», как говорится. Грустно было без финансов, но не идти же воровать монеты в трактире, а сбегать до столицы и обратно за ночь, да еще и денег там добыть, было не реально. Так что самообучение – наше все.

Не забывал я и про работу с пацанами. После испытания, когда угроза быть убитым на арене исчезла, от дополнительных занятий отказалась половина группы – к чему напрягаться себя лишней раз, если можно найти дела поинтереснее, да и мерзнуть на мокром полигоне не нравилось никому. Однако с самыми стойкими мы вечерние тренировки не прекращали.

Вокруг меня благодаря таким занятиям собралась небольшая группа наиболее упорных учеников; некоторых из них я вполне уже мог назвать друзьями. С тем же Бертом мы прекрасно поладили, и молчаливый, не по возрасту серьезный парень стал отличным противником шалопаю Витьку.

Со Жданом, однако, так до конца наладить отношения и не удалось. Калинин, несмотря на испытание и последующие месяцы, проведенные в одной казарме, относился ко мне с недоверием, хотя и прежней ненависти в его глазах я не видел.

В общем, жизнь интерната текла своим чередом, придерживаясь определенного внутреннего ритма. Учеба, тренировки, вечерние посиделки в казарме во время самых сильных дождей или снегопадов. И эта своеобразная идиллия, вероятно, сегодня дала трещину. Смерть Юрия Орлова накануне нашей отправки на границу ничего хорошего не сулила.

Вялотекущая война с Каспийским княжеством, которая в последние двадцать лет практически потухла, могла разгореться с новой силой, и не удивлюсь, если нас кинут в самое пекло. Вероятность этого, конечно, невелика – толку от магов-первогодков не слишком много, но кто знает, что творится в голове у людей, заведующих местным цирком под названием армия.

Чтобы хоть как-то прояснить ситуацию, я с сожалением поднялся с теплой весенней травы, размял затекшее тело и отправился на поиски Леонида. Если уж кто и мог сказать что-то более внятное, чем слухи, так это он.

По вечерам наставник чаще всего пропадал либо на тренировочной площадке, либо в административном корпусе. Насколько мне было известно, Леонид интернат покидал не слишком часто, предпочитая проводить время в казенной комнате, а не в собственном доме, который, по слухам, находился где-то в столице. И я его даже понимал: таскаться каждый вечер в большой город, а утром обратно то еще удовольствие.

Административный корпус был разделен на две части, в одной находились канцелярия, кабинет директора и несколько других помещений неизвестного назначения, а вторая часть, имеющая собственный вход, служила по сути общежитием для преподавательского состава и наставников. Нахождение здесь курсантов было не то чтобы запрещено, но, скажем так, не поощрялось, и на воспитанников, шляющихся поблизости, смотрели с неодобрением, однако мне требовалась информация.

Стук костяшек по обитой железом двери разлетелся по всему коридору. Получив разрешение, я вошел внутрь комнаты, застав Леонида за чтением книги.

Темноволосый, поджарый мужчина, невзлюбивший меня с самого первого дня в интернате, после испытания и событий в столице полностью поменял свое отношение, и пусть на занятиях все было как раньше, наедине наше общение стало более неформальным.

– Не нравится мне твое выражение лица, Даррелл. – Мужчина оторвался от книги. – Что случилось?

– Да пока ничего. – Я подошел к столу, пытаюсь понять, что читает наставник. – Говорят, Юрий Орлов погиб на границе. Это правда?

– Да, – Леонид отложил фолиант в сторону, – три дня назад. Весь интернат уже знает?

– Угу, а если и нет, то Витек постарается, чтобы узнали все.

– Этот может, – вздохнул мужчина. – Переживаешь за свое будущее?

– С учетом того, что через несколько недель нам предстоит отправиться на границу, то естественно.

– Войны не будет, если ты думаешь об этом. Доказательств причастности Каспийского княжества к убийству нет.

– Это может быть только официальной версией, да и войны начинались по куда меньшим поводам.

– Даррелл, я обычный наставник и знаю ненамного больше вашего. Что ты от меня хочешь?

– Я хочу понять, к чему нам готовиться?

– А есть разница? Что-то поменять не в наших силах. Если ничего не изменится, то вы отправитесь куда-нибудь на границу с Галицким княжеством, браконьеров да контрабандистов ловить. Ну а нет, так нет. Куда скажут, туда и двинемся.

– Понял. Что хоть читаешь?

– Да так, – Леонид, отодвинул книгу еще дальше, – зарисовки путешественников прошлого.

– Ну-ну, – усмехнулся я, заметив в верхнем углу страницы название: «Любовные похождения Вискерса».

Не ожидал я от наставника любви к бульварным романам, однако мысли о книжных предпочтениях Леонида выветрились из головы, стоило вспомнить о причине, приведшей меня сюда.

Если княжество действительно собирается начать полноценную войну, то целесообразность моего нахождения в интернате ставится под большой вопрос. Год назад я планировал отучиться здесь три года и стать впоследствии полноценным членом общества. Тот факт, что интернаты готовят по сути пушечное мясо, на мои намерения особо не повлиял: дворянину с сильным даром выжить в мелких приграничных конфликтах труда не составит. Теперь же ситуация изменилась.

Я все еще не считал себя готовым к свободному плаванию в этом мире, но и сдохнуть где-нибудь на границе от массивной атаки вражеских магов как-то не горел желанием.

По идее, можно сбежать из интерната. Дементьев, несмотря на свои проблемы, должен помочь с новыми документами, но имелись тут определенные сдерживающие факторы. Во-первых, пока ничего конкретного неизвестно, война может и не начаться, а во-вторых, за год я оброс связями – у меня появились друзья, бросить которых не позволяла совесть, а со мной они не побегут.

Пацаны в интернате свято верили в то, что после учебы и нескольких лет служения князю в качестве воинов их ждет дворянство. Не проходило и дня, чтобы Игнатьев или другие преподаватели не поднимали эту тему, и мои осторожные разговоры о том, что все может быть не так уж и радужно, разбивались о стену непонимания. Вот и получалось, что воспитанники интерната всей душой были преданы государству, а точнее князю. Такой патриотизм даже внушал определенное уважение, если, конечно, не учитывать ту судьбу, что ждала выпускников данного заведения.

Предпринимать скоропалительные, необдуманные действия, исправить которые будет невозможно, я никогда не любил. Поэтому решил не гнать коней и дожидаться развития событий. Если княжество действительно ждет война, мы об этом скоро узнаем.

Судя по всему, вероятное начало военного конфликта напрягло не только меня. Буквально со следующего дня в учебный план наших групп было включено лекарское дело, хотя это могло быть обычным совпадением, но тем не менее.

Преподавать новый предмет взялся знакомый всем нам Натаниэль Хармон. У штатного лекаря по тем или иным причинам побывали уже все курсанты первого года. Переломы, вывихи, разрывы связок, порезы – все это пожилой мужчина с вкрадчивым голосом и теплыми руками излечивал на раз, являясь настоящим профессионалом своего дела. Увидев однажды, как под руками мастера края рваной раны смыкаются, оставляя за собой лишь небольшой шрам, я не раз вспоминал это с невольным восхищением, мечтая научиться чему-то подобному.

К сожалению, до магических манипуляций наши занятия дошли не скоро. Первые две недели мы усиленно вникали в строение человеческого тела, разглядывая красочные плакаты, да учились накладывать бинты на импровизированные порезы.

– Лечить других – большая ответственность, и далеко не каждый может выдержать ее. А уж лечить с помощью магии могут лишь единицы. – Натаниэль, поглаживая отросшую бородку, задумчиво осматривал группу, собравшуюся в учебном кабинете при лазарете. – Однако ничего вам не мешает экспериментировать на себе. Летом вполне может случиться ситуация, когда вы сами сможете спасти себе жизнь, остановив кровотечение или защитив рану от заражения. И самым простым действиям я смогу вас научить.

– Только себе? – задал вопрос один из курсантов. – А если другу оторвет руку?

– Мы чем занимались две недели? – нахмурил брови лекарь. – Перетянешь ему культю, чтобы он от потери крови не умер. Магией вы сможете помочь только себе. Тело человека сопротивляется любому внешнему воздействию и лечебному в том числе. Даже находясь в беспамятстве, раненый будет бессознательно защищаться. Достаточно сильный маг сможет, конечно, продавить эту естественную броню, но своими действиями, скорее всего, только навредит. Я не один и не два года обучался своему ремеслу. А теперь смотрим на меня.

Натаниэль оголил левую руку до локтя, поднес ее к тазу с водой и острым, как бритва, ножом рассек себе кожу вдоль предплечья.

– Насколько вы можете видеть, – как ни в чем не бывало продолжил лекарь, – я нанес себе достаточно глубокую рану.

– Вам не больно? – спросил кто-то с задних рядов.

– Я заглушил все ощущения, это не так уж и сложно. Итак, для начала необходимо остановить кровь. – Мужчина замолчал, а мы заметили, что красная струйка, текущая в таз, замедлилась, а после того, как Натаниэль протер белоснежной тканью разрез, стало понятно, что рана больше не кровоточит. – Подобному, вы сможете научиться. Кто-то быстрее, кто-то медленнее, но поверьте моему опыту, маг, умерший от потери крови, – нонсенс. А теперь мне нужен доброволец.

За год обучения пацаны осмелели, и недостатка в желающих поучаствовать в магических опытах не наблюдалось. Я же в последнее время старался не лезть вперед и выделяться особо не любил, предпочитая наблюдать за стараниями одноклассников со стороны.

Лекарь задумчиво посмотрел на поднятые вверх руки и в конце концов выбрал Ефрема – конопатого паренька со средними магическими способностями.

– Для начала я обезболю тебе место пореза... – Натаниэль взял своего ассистента за кисть и нажал какие-то точки в районе запястья и под мышками. В результате данных манипуляций рука Ефрема обмякла и перестала ему подчиняться. – Чувствуешь что-нибудь?

– Не-а. – Пацан осторожно ощупал онемевшую конечность.

– Вот и отлично. Положи руку на стол. – В ход опять пошел нож, правда разрез получился совсем небольшим. – Теперь я верну ощущения, постарайся не кричать. Почувствуй рану, тянись к ней. Главное – пережать сосуды вокруг пореза. Начинай, а я буду тебе помогать.

То, что Ефрем вновь начал ощущать левую руку, стало понятно по тому, как он дернулся от боли, но, к слову, пацан даже не вскрикнул, заработав этим уважительные взгляды одноклассников.

Кровь медленно вытекала из тонкого разреза. Ефрем, прикусив губу, уставился на рану, пытаясь выполнить распоряжение Натаниэля, стоящего у него за спиной. Учитель положил руку на голову парня и начал что-то шептать, однако слов было не разобрать.

Группа замерла в ожидании, что произойдет дальше. Складывалось ощущение, будто пацаны считали, что Ефрем сейчас упадет замертво, настолько они были напряжены.

Капли крови падали в воду с равномерностью быстро стучащего метронома. Кап... Кап... Кап... И в оглушающей тишине кабинета я мог поклясться, что слышу, как они ударяются о воду. Но вот бордовых бусинок, отрывающихся от руки, становится меньше, они все реже и реже срываются с окровавленной руки, пока окончательно не прекращают свой путь.

– Молодец! – Голос лекаря разорвал тишину кабинета, и бледный от напряжения Ефрем словно очнулся ото сна и неверяще посмотрел на руку, которую Натаниэль уже протер от крови и начал заживлять порез. – Садись пока, отдыхай. Как видите, у вашего друга все получилось, немного практики, и моя помощь для достижения подобного результата ему уже не потребуется. А теперь будем работать с остальными. Подходите по очереди, будем учить вас останавливать кровь.

За одно занятие Натаниэль так и не успел обучить крайне полезному навыку всех курсантов группы. Процедура повторялась один в один, как с Ефремом, но некоторым пацанам требовалось гораздо больше времени, чем остальным, чтобы научиться воздействовать на свое тело.

Тем, кто все-таки сумел остановить кровь, учитель настоятельно рекомендовал воздерживаться от самостоятельных экспериментов и для начала производить все манипуляции только под его присмотром. Вот только уверенности, что указание будет выполнено, ни у меня, ни у кого другого не было. Не удивлюсь, если вечером к Натаниэлю притащат какого-нибудь слишком усердного пацана с большой потерей крови.

До меня очередь дошла только на следующий день, что, впрочем, даже оказалось на пользу – вечером я попытался вытянуть из пацанов, прошедших процедуру, их ощущения. Как всегда, магия работала сугубо индивидуально, кто-то чувствовал тепло, кто-то наоборот мысленно замораживал рану, но все сводилось к тому, что их будто кто-то вел за руку, направляя усилия в нужное русло. Видимо, именно так проявлялась помощь Натаниэля.

Тонкий разрез, появившийся на предплечье, мгновенно набух кровью, но боли я не чувствовал – создавалось впечатление, что конечность, лежащая на столе, мне вообще не принадлежит, но обманчивое ощущение мгновенно прошло, стоило только Натаниэлю вернуть коже чувствительность. Вспышка боли прострелила руку, заставив поморщиться, а лекарь тем временем дал команду к действию:

– Начинай, только не переусердствуй. Слишком много силы, направленной на рану, может навредить.

Прикрыв глаза, я постарался отключиться от внешних раздражителей, полностью сосредоточившись на внутренних ощущениях. Неприятное жжение, что пульсировало на месте пореза, четко отслеживалось моим внутренним взором. Совершенно неожиданно для себя я понял, что каким-то образом вижу тело изнутри. Вокруг него распространялось ровное золотистое свечение, и только предплечье оказалось частично окрашено в красное. И это мне не понравилось. Я четко осознавал, что так быть не должно.

Желание убрать изъян трансформировалось в нечто странное. Свечение тела вдруг изменилось, заметно усилившись в районе руки и слегка сбавив яркость в остальных местах. И краснота начала отступать, вытесняемая золотыми лучами. Обрадовавшись положительному результату, я с новой силой начал исправлять изъян, вычищая неправильный цвет, и только когда работа мне показалась закончена, открыл глаза.

Взглянув на руку в обычном мире, я надеялся увидеть, как кровь в ране свернется, ведь именно этого от меня и требовал Натаниэль, но реальность преподнесла сюрприз: рана исчезла.

Глава 2

– А вы полны сюрпризов, Даррелл, – прервал молчание лекарь, внезапно перейдя на «вы». – Мне даже помогать почти пришлось. Лишь в самом начале я чуть-чуть разогнал ваше восприятие, чтобы преодолеть внутреннее сопротивление, а дальше вы все сделали сами. Думаю, завтра можете попробовать повторить подобное уже самостоятельно.

– Как так вышло? – Я все еще недоверчиво ощупывал руку, где кроме засыхающей крови не осталось даже следа от пореза.

– Дар дворянина веками помогал таким, как мы, выживать, так что чем он сильнее, тем легче магу затягивать свои (подчеркну, свои) раны. У вас, вероятно, он достаточно силен.

Объяснение меня не слишком удовлетворило, но ничего более внятного я от лекаря добиться так и не смог.

Вечером, когда занятия подошли к концу, я отправился на полюбившийся пригорок для медитаций. Мне хотелось проверить, получится ли без помощи Натаниэля повторить утренний успех. Можно было, конечно, проделать эксперимент и в месте силы, но там в последнее время было достаточно многолюдно – старшие курсы усиленно развивали дар, готовясь к летней практике. Не любил я работать в окружении любопытных глаз, а здесь меня никто не потревожит – за месяц медитаций даже Витек понял, что ничего интересного в этом месте нет. А сидеть без движения больше пяти минут пацан физически не мог.

Для начала я попытался войти в то необычное состояние, позволяющее увидеть свое тело изнутри, но какая-то сила не пускала меня, удерживая на границе между реальностью и новыми возможностями. Судя по всему, именно об этом и говорил лекарь, когда упоминал про внутренний барьер и разгон восприятия.

В первый день самостоятельных тренировок у меня так ничего и не получилось, как и во второй, и в третий, и лишь к концу недели мои усилия дали результат, хотя он мог быть следствием ежедневных занятий с Натаниэлем. В любом случае, барьер, мешающий мне вновь оценить состояние тела, исчез, позволив работать с телом на совершенно ином уровне. Осталось только проверить, смогу ли я повторно заживлять небольшие раны вне лекарского кабинета.

Никогда не понимал людей, наносящих себе травмы намеренно. Помню, был у меня один знакомый, у которого руки будто прошли через блендер – их полностью, до самых плеч, покрывали шрамы. Как мне однажды сказал этот человек, по молодости у него немного поехала крыша, и они вместе со своей девушкой занимались подобной дрянью. И вот сейчас мне предстояло сделать нечто подобное.

С метательным ножом, доставшимся от наемного убийцы, я после всех жизненных перипетий расставаться так и не захотел, припрятав заточенный кусок стали в надежном месте (на территории интерната, как оказалось, хватало укромных уголков). И сейчас заточенный кусок стали наконец попробует мою кровь.

Резать себя – занятие не самое приятное, а уж резать себя ножом, который пару месяцев пролежал без должного ухода, еще хуже. Заработать заражение крови по собственной же глупости в мои планы не входило. Нет, лекарь наверняка и от подобного может вылечить, но оно мне надо? Естественно, никаких средств стерилизации под рукой у меня не имелось. Можно было, конечно, попросить тот же спирт у Вероники, но увы. Девушка, с которой мы так хорошо проводили время, уехала из интерната около трех месяцев назад. По слухам, она все-таки нашла себе богатую пассию из довольно знатного рода. Ну что ж, совет им да любовь. Жаль, конечно, но помимо телесной близости нас с девушкой ничего больше не связывало.

На место заведующим хозблоком поставили хмурого и прижимистого дядьку, у которого не то что спирт выпросить было невозможно, он даже чистую одежду нам выдавал с таким видом, будто мы его обворовываем.

Отбросив мысли о Веронике, я взвесил метательный нож и решил воспользоваться проверенным способом обеззараживания – температурой. Нагревать вещи мы научились еще в первые месяцы учебы.

Металлическая рукоять оказалась зажата в коре растущей рядом яблони, а я начал медленно вливать энергию в лезвие, стараясь не тратить лишнего. При выполнении любого магического действия можно было пойти двумя путями: быстрым, но расходующим кучу сил впустую, и медленным, но рациональным. Естественно, я воспользовался вторым способом, не собираясь расплачиваться за излишнюю спешку повышением собственной температуры и слабостью во всем теле.

Нагреть кончик ножа удалось за пару минут, у меня не было цели довести его до белого или красного каления. Градусов двести вполне достаточно, чтобы уничтожить большую часть бактерий.

После того, как нож остыл до приемлемой температуры, я вытащил его из дерева обернутой тряпками ладонью. Ну а дальше меня ждала не самая приятная процедура. Пришло время наносить себе раны.

Положив на всякий случай под руку бинты для перевязки, я, стиснув зубы, произвел короткий разрез на предплечье, стараясь не задеть вены, и тут же попытался перейти в состояние внутреннего созерцания. Пусть не с первого раза, все же боль отвлекала и не давала сосредоточиться, но у меня получилось. Золотое свечение предстало перед внутренним взором. И как всегда, рана выделялась на этом фоне ярко-красным цветом.

Процесс заживления ничем не отличался от тех, что я проделывал на уроках с Натаниэлем. Лекарь, кстати, уже спокойнее относился к моим успехам, но иногда удивление все же пробивалось сквозь маску холодного любопытства при взгляде на то, как затягиваются даже длинные порезы на моем теле.

Эксперимент можно было считать удачным – на руке, как всегда, не осталось и следа. Рана зажила. И на этом самостоятельные опыты я решил прекратить. Полученного результата мне показалось достаточно, а калечить себя ради углубления знаний я не собирался. Да и резать собственное тело без анестезии, прямо скажем, удовольствие на любителя.

Занятия с Натаниэлем продолжались почти месяц, и, по моему мнению, из всех предметов, не связанных с боевой магией, они были самыми полезными. Да, к концу года нас начали немного учить поведению в обществе и даже математике, но все равно будущие «дворяне» знали преступно мало. Из нас готовили бойцов, солдат, узко специализированных магов, но никак не членов дворянской братии.

Война, которую с замиранием сердца ждали все ученики интерната, не началась. Насколько мне было известно, причастность Каспийского княжества к смерти Юрия Орлова так и не была доказана. Ходили смутные слухи, что это сделали повстанцы или вообще бандиты, но в такое я слабо верил. Убить члена княжеского рода – задача не из простых. Как бы то ни было, но напряжение на границе все равно увеличилось, как и количество войск, перебросенных туда.

К концу весны, когда природа отмечала праздник жизни – вокруг все цвело, пахло, жужжало и пищало, – в интернате началось какое-то непонятное шевеление, которое я за учебой и тренировками не сразу заметил. Как выяснилось, дело заключалось в том, что близился день вручения шпаг – выпускники интерната готовились получить знаки совершеннолетия и окончания обучения. С этого момента юноши станут пусть еще не дворянами, но уже и не простыми жителями – оружие в княжестве мог носить далеко не каждый.

Само торжественное действо произошло спустя пару дней. Тринадцать человек (выпускники, дожившие до третьего курса) замерли возле административного корпуса, одетые в парадную форму, раскрашенную в желтые и синие тона. И надо отдать должное дизайнерам одежды, выглядело все действительно красиво и торжественно.

Нас тоже заставили обрядиться в неудобные мундиры, сшитые явно по усредненным лекалам и поэтому жмущие в самых неожиданных местах. Всех курсантов вывели на улицу, и теперь мы стояли на солнцепеке, обливаясь потом и дожидаясь, пока к длинному, покрытому бархатной накидкой столу, на котором лежали шпаги, подойдет почетный гость.

На самом деле, сегодня помимо вручения оружия должен был произойти еще и официальный выпуск женской группы. Пятнадцать девушек во все глаза пытались высмотреть, где же лежат украшения, которые им сегодня подарят. Традиционно выпускницам прикалывалась брошь на платье, означающую, что они теперь могут считаться образованными и совершенно-летними девушками, готовыми вступить в брак и влиться в дворянское общество.

В жарком, залитом солнцем дворе собрался весь интернат, и, когда из административного корпуса наконец вышел Макар Тимурович в сопровождении пузатого, вспотевшего дядьки, в дорогом наряде и с золотой цепью до пупа, по рядам пронесся облегченный выдох.

Сама процедура вручения атрибутов выпускника мне мало чем запомнилась. Разве что я с интересом разглядывал флаг княжества, который раньше видел только на картинках. Величественный орел парил над золотым пшеничным полем на фоне синего неба. Стяг развевался на слабом ветру все время, пока напыщенный дворянин зачитывал имена выпускников и под клятву верности князю отдавал в дрожащие руки юношей шпаги. С девушками все было даже проще, у них и клятва была покороче, и брошь просто отдавалась в руки, сами, мол, потом прицепите, как вам надо.

В общем управились быстро, а на следующий день мне стало известно, что почти весь третий курс уже покинул интернат – парни отправились служить, а большинство девушек разъехались по знатым и не очень домам – многим выпускницам уже нашлись женихи.

Интернат завершил один круг обучения и уже начал готовиться к приему новых воспитанников, которых сейчас усиленно собирали по всему княжеству, а перед нами все ближе маячила перспектива покинуть это заведение. Еще какая-то неделя, и в казарме, ставшей для нас за год привычным и, можно сказать, родным местом, появятся новые жители, а мы в это время уже будем ехать к месту прохождения летней практики.

За месяц, прошедший с момента, когда Витек сообщил мне новость о смерти Юрия Орлова, я так и не решился на побег. Война, судя по всему, откладывалась, и, несмотря на растущее напряжение между княжествами, полноценных военных действий не планировалось. По крайней мере, так сообщил Леонид. Вот и не видел я смысла срываться сейчас в бега, рискуя оказаться в княжестве вне закона.

Дезертиров, а если я исчезну из интерната, то стану именно им, ждала незавидная судьба. По сути, все курсанты сейчас были должны княжеству за обучение, и оплачивать его мы будем именно своей службой. Так что, если я сейчас решусь на побег, то искать меня будут очень усердно, а значит, жить как простой обыватель уже не получится. Мне придется либо покинуть государство, либо скрываться под чужим именем с поддельными документами.

В общем, я решил пока оставить все как есть. Натворить непоправимой ерунды всегда успею, не стоит дергаться раньше времени. Были, конечно, в побеге и свои плюсы. Я, к примеру, опасался, что на летней практике, вне крепких стен интерната, лишусь защиты от жрецов и дяди, скрывающегося сейчас от княжьего сыска. С другой стороны, не думаю, что эти лица сунутся на границу, кишашую войсками. Тем более еще неизвестно, куда нас отправят.

Последняя неделя в интернате, как ни странно, ничем не отличалась от любой другой – мы все так же учились, тренировались, гадали, что нас ждет в будущем, но не более. И лишь в последний день Леонид, вошедший, как обычно, на вечернюю проверку, огорошил нас новостью:

– Завтра с утра мы уезжаем из интерната. Личные вещи сдать в хранилище. Походный мешок со всем необходимым получите там же.

– Мы едем на войну? – с неподдельным энтузиазмом спросил Витек. Пацан весь последний месяц только и говорил о сражениях, вражеских воинах и том, как он всем покажет, на что способен.

– Нет никакой войны, – отрезал наставник. – Но нас действительно отправляют на границу с Каспийским княжеством. Все вопросы завтра, отбой.

Отбой. Легко сказать, уснешь тут после такого. Разговоры не утихали до глубокой ночи. Новость, которую ожидали так давно, все равно оказалась полной неожиданностью, а уж тот факт, что группа все лето проведет на границе двух княжеств, находящихся в состоянии вялотекущего военного конфликта, только добавлял масла в огонь воображения курсантов.

Понятия не имею, зачем мы понадобились в одном из самых опасных мест княжества. Да, пацаны вполне могли противостоять обычным людям. Тот же Ждан или Берт с легкостью уложат с помощью магии человек десять, но даже самый слабый маг разнесет всю нашу группу, не особо напрягаясь. Может, властители наших судеб решили, что реальные боевые действия, периодически случающиеся на границе, помогут нам быстрее набраться нужного опыта, или, как вариант, мы нужны просто на всякий случай? Узнать это все равно не удастся. Уверен, даже Леонид не в курсе мотивов начальства. Любая армия работает одинаково: есть приказ – выполняй, а думать будут за тебя.

Утренние сборы не заняли много времени. Быстрый завтрак, небольшая очередь при получении необходимого комплекта вещей, символическое прощание с интернатом, и вот двадцать с лишним человек уже едут на поскрипывающих от каждой неровности дилижансах, везущих их на вокзал.

Вспоминая карту княжества, я примерно представлял, куда нам предстояло держать путь. Каспийское княжество, если соотнести карту моего мира и местную, располагалось на территории современной Румынии и Молдавии и, несмотря на свое название, выходило не к Каспийскому морю, а к Черному. Собственно, из-за выхода к морю и началось когда-то военное противостояние между двумя государствами. Четыреста лет назад предок нынешнего князя, пожертвовав тысячами жизней, отбил себе кусок побережья, что, естественно, каспийцам не понравилось.

Граница между княжествами пролегла с северо-запада на юг и составляла, по моим данным, не больше трехсот километров. Местность, несмотря на опасное расположение, была густо заселена – близость к морю и теплый климат делали ее отличным выбором для ведения сельского хозяйства. Несколько дворянских родов владели всей землей, получая от князя неплохие дотации, которые направлялись для привлечения крестьян.

Все, что мне было известно, я почерпнул из книг, найденных в библиотеке интерната, и, если честно, особой веры к ним не питал. Бумага все стерпит, и реальное положение дел на границе можно узнать, только увидев все воочию.

Путь до столицы прошел, можно сказать, буднично. Пацаны уже знали маршрут и не пытались выдавить окна в попытках рассмотреть местные пейзажи, но стоило только нам оказаться на вокзале, все резко переменилось. Большинство воспитанников происходили из деревень или маленьких городов, до которых железные дороги еще не дошли, так что поблескивающая россыпью заклепок махина паровоза произвела на многих неизгладимое впечатление. И это он еще не свистел и не выдавал клубы пара, как это делали когда-то тягачи в нашем мире.

Ехать вместе с жителями столицы и ближайших городов, к счастью, не пришлось. Нам выделили отдельный вагон, куда с относительным комфортом поместились обе группы. Никаких лежачих мест, только деревянные кресла, обтянутые вытертой плотной тканью. Сверху нашлись полки, куда мы скинули свои мешки.

По железной дороге нам предстояло добраться до Вальдорфа – крупного города на западе княжества. Названием своим он был обязан немецкоговорящей группе поселенцев, основав-

шей его. Прошли сотни лет, и теперь население города полностью состояло из местных жителей, но переименовывать его никто не собирался.

Дорога до Вальдорфа мне запомнилась шумом, неудобными креслами, холодным обедом да несколькими ссорами между уставшими за восемь часов монотонной езды курсантами. Хорошо наставникам, они пообещали нам самые страшные кары за любые нарушения порядка и отправились отдыхать в отдельное купе с кроватями и мягкими матрасами, нам же приходилось отсиживать задницы на жестких сиденьях. Радовало только то, что хоть ходить по вагону не возбранилось, но даже это многим вскоре надоело.

Первые часы пацаны во все глаза разглядывали проплывающие мимо пейзажи, но чередующиеся между собой леса и поля вскоре наскучили даже самым нетребовательным зрителям, и курсанты начали развлекать себя как могли – играми и историями, выученными уже наизусть за год совместного проживания.

Меня вся эта суэта не особо интересовала, я, как обычно, любую свободную минуту трагил на улучшение своих навыков, медитируя или тренируясь в создании бытовых заклинаний. Какое-то время мне даже никто не мешал, но не прошло и часа, как заскучавший Витек оторвал меня от этих полезных занятий.

– Как думаешь, нас отправят воевать? – подсел он на соседнее кресло, забравшись на него с ногами.

– Вряд ли, – ответил я, поймав рукой левитирующий камень. – На нас потратили немало денег, чтобы просто так выбросить их. Нет, мы князю еще послужить должны и только потом сдохнуть.

– Опять ты за свое, – нахмурился парнишка, – мы докажем, что достойны стать дворянами, а для этого, конечно, нужно постараться. Поскорей бы на границу. Ненавижу сволочей каспийских!

– Тебе-то они что плохого сделали?

– Ну мне-то, может, и ничего, но ведь Арсений Яковлевич рассказывал, какие они ужасы творят.

– А ты меньше Игнатьева слушай. На войне нет правых и виноватых. Каждый считает, что правда на его стороне. Думаешь, наши воины или дворяне ведут себя благородно? Крови на их руках не меньше.

– Даррелл, – вспыхнул Витек, – ты же родился здесь! Как ты можешь так говорить?!

– Могу. Война – это грязь, вонь, трупы. И делают ее такой люди! Не важно, на чьей ты стороне. Звериный облик очень быстро выходит наружу, если на тебе нет ответственности.

– Тебе-то откуда все это знать? Ты ведь не был на границе. Откуда тебе знать, что такое война?

– Некоторые вещи можно оценить, даже не испытывая их на собственной шкуре. Думай своей головой, а не чужими лозунгами. Чем чаще ты будешь использовать мозг, тем лучше.

– Вот так всегда! Я ему – одно, он мне – другое! – надулся Витек и, изобразив обиду, отправился к группе пацанов, бросающих кости, а точнее, их местный аналог.

Да уж. Если ребенку с самых ранних лет говорить, что князь – это самый лучший и честный человек в государстве, существующее положение вещей в обществе – это вполне нормально, то изменить устоявшееся мышление очень сложно. Витек просто не видел другой жизни. Ему не с чем сравнить. А мне есть.

Уж на что в нашем мире распространено неравенство, но здесь оно просто чудовищно. Местная кастовая система хуже, чем в Индии. В этом мире отличия между людьми не только социальные – биологические. Не способен ты к магии – и все, твое место на пашне за мотыгой или на мануфактуре работать по двенадцать часов в день. В лучшем случае, на что может рассчитывать обычный человек, – заняться мелкой торговлей, но и здесь все печально. Пример

Дементьева налицо: потерял он покровительство отца Даррелла, и все, теперь его заводы могут просто отобрать – не по чину какому-то лавочнику иметь крупный бизнес.

А самое поганое здесь то, что я понятия не имею, как такое положение дел можно изменить. И хочешь не хочешь, а, чтобы нормально устроиться в этом мире, придется играть по местным правилам.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, я расслабился, насколько это было возможно в жестком кресле, и нырнул в транс.

Мой аватар привычно материализовался на поверхности безбрежного океана. Именно так мое подсознание визуализировало магическое поле, окружающее эту планету. Понятия не имею, как это все работает, но сейчас мне абсолютно неважно, почему мое внутреннее я – крупное водное существо с шипастым гребнем вдоль спины и здоровенной пастью, усеянной множеством зубов. Какая разница, почему все происходит именно так, если можно просто наслаждаться каждым моментом, проведенным в этом мире.

Второй уровень слияния подарил мне это тело, и сейчас я просто мчался в толще воды, пробивая своей головой волны и течения, чувствуя мощь и силу дарованного тела. За прошедшие месяцы я прекрасно освоился с новой формой и уже начал задумываться о том, что пора бы идти дальше, но, во-первых, я не знал, как, а во-вторых, меня останавливали воспоминания о схватке, едва не забравшей мою жизнь.

Причину, по которой после моего перехода на второй уровень слияния окружающее пространство наполнилось самыми разными недружелюбными тварями, я так и не выяснил. Илона – наш учитель магии – тоже хранила молчание, хотя, уверен, что-то знала. Но ее совет: не торопиться с новыми опытами я запомнил хорошо.

Во время транса связь с реальным миром сохранялась на уровне едва заметных ощущений. Всегда имелась некая двойственность чувств. Существовали два «Я». Я – человек и Я – водное существо, и между нами почти всегда имелась связующая нить, теряющаяся только во время боя или других стрессовых ситуаций. Именно она позволяла мне возвращаться в свое истинное тело, не рискуя навсегда застрять в транс. К тому же постоянно оставалось невесомое понимание, что сейчас творится со мной в реальном мире.

Вот и сейчас я точно знал, что чей-то костлявый палец усиленно тычет меня в бок. Пришлось останавливаться, с сожалением прощаться с силой и свободой моего водного аватара и возвращаться на грешную землю.

Естественно, нарушителем спокойствия оказался Витек:
– Останавливаемся вроде. Кажется, приехали.

Глава 3

Поезд неспешно, издавая массу всевозможных, порой совершенно неожиданных звуков, останавливался на железнодорожных путях Вальдорфа. Большое вытянутое здание вокзала отличалось от уже виденных мной некой монументальностью и основательностью. Практически новые кирпичи стен, идеально ровный перрон. Казалось, что все это было построено всего лишь несколько месяцев назад.

– Выходим. – Голос Леонида заставил оторваться от окна и присоединиться к одногруппникам, поднимающимся со своих мест. Наставник выглядел отдохнувшим, повеселевшим и находился в приподнятом расположении духа. Видимо, восьмичасовое ничегонеделание пошло ему на пользу.

Толкаясь в проходе, пацаны медленно продвигались к узким дверям, расположенным в начале вагона, чтобы потом с наслаждением ступить на твердую землю. Несмотря на невысокую скорость, в поезде иногда заметно качало, и некоторые молодые пассажиры, непривычные к подобному перемещению, даже заработали морскую болезнь, проведя несколько незабываемых часов возле туалета.

На перроне нас уже ждали. Два человека средних лет в офицерской форме нетерпеливо прохаживались по брусчатке, ожидая, пока последние курсанты выберутся из поезда. Впервые мне удалось вживую увидеть солдат княжества.

Сюрпризом их внешний вид, конечно, не был. Каждый воспитанник интерната за год наизусть выучил воинские звания, главные пункты устава и, естественно, варианты военной формы офицерского и рядового состава, так что разобраться с тем, кто оказался перед нами, не составило труда даже самому невнимательному курсанту.

Структура армии княжества имела много общего с тем, что я наблюдал у себя на родине. Все военнослужащие традиционно делились на рядовых, сержантов и офицеров. Среди каждой из этих групп уже шло более мелкое деление.

Казалось бы, все привычно, однако существовали в этой схеме и весомые отличия, некоторые из которых сразу бросались в глаза. Так, например, выходец из низов никогда не сможет подняться выше звания командира роты, но даже такие случаи единичны и происходили последний раз во время крупных сражений, когда потери среди руководящего состава приходилось как-то возмещать.

Все старшие и высшие офицерские должности занимали исключительно дворяне. Даже если аристократ не имел в подчинении ни единого человека, он все равно носил офицерские шевроны. При этом, чтобы не спутать, кто перед тобой, простой лейтенант или аристократ с тем же званием, шевроны, вышитые на груди, имели разный цвет. Обычный человек получал белые нашивки, а дворяне – золотые. Плюс ко всему, обращаясь к обладателям золотых эмблем, требовалось добавлять приставку «кватр»: кватр-лейтенант, кватр-капитан. Думаю, тут не обошлось без упоминания местных божков. Четверо фигурировали почти везде, где дело касалось магии.

Сейчас на перроне нас ожидали два белошеvronных лейтенанта. Одеты они были в парадно-выходную форму: коричневые сапоги с высоким голенищем, узкие синие штаны на широком ремне, рубашка такого же цвета с нашивками, обозначающими звание и номер войскового соединения. На голове мужчины носили одинаковые шапки, смахивающие чем-то на конфедератки – национальные польские головные уборы военных. Незаменяемыми атрибутами любого офицера также являлись шпага, спрятанная в ножнах, и плоская кожаная сумка, висевшая на длинном ремне.

– Вечер добрый. Вы наши сопровождающие? – обратился к встречающим Леонид, дождавшись, пока последние из пацанов покидали вагон и собирались на перроне.

– Да. Я – лейтенант Ковалев, а это – лейтенант Михайлов. Нас отправили встретить вас и сопроводить курсантов к месту распределения, – ответил мужчина, доставая из сумки какие-то документы. – Здесь все написано.

Леонид внимательно изучил предоставленные бумаги, отдал второму наставнику документы на его группу, после чего взглянул на Ковалева:

– Все верно.

С этого момента наши пути со второй группой расходились. Они вместе со своим наставником и сопровождающим их лейтенантом погрузились в телеги и вскоре затерялись среди улиц города. Уверен, с некоторыми однокурсниками я уже не увижусь. Сейчас их одиннадцать, но все ли они переживут лето? Боюсь, ответ мне не понравится.

Лейтенант Ковалев оказался не самым разговорчивым человеком. На его мясистом, побитом оспой лице я так ни разу и не увидел улыбки за тот час, что нам потребовался, чтобы добраться до здания местной военной канцелярии. Казалось, будто лейтенант тяготится поручением и на нас смотрит с некоторым неодобрением, непонятно только почему. Сидя рядом с извозчиком на первой из телег, Ковалев периодически перебрасывался фразами с Леонидом, но чаще всего молчал.

А пацаны тем временем едва не падали с телег, пытаясь рассмотреть новый для них город и, главное, молодых девушек, гуляющих по нагретым дорожкам ровных, как стрела, улиц. Вальдорф вообще оказался довольно строг в архитектурном плане. Дома были построены словно по линейке на одинаковом друг от друга расстоянии, а дороги и тротуары чаще всего пересекались под прямыми углами. И, казалось бы, все это должно вызывать скорее скуку и уныние, но город утопал в зелени, а каждое строение имело свою индивидуальную черту. Балконы, балюстрады, пилястры, даже самый захудалый дом старался выделиться и пусть немного, но отличался от других.

Канцелярия ютилась на окраине города, и, что немаловажно, пока мы до нее доехали, я ни разу и не заметил трущоб, которые так хорошо запомнились в столице княжества.

– Чисто у вас тут, – подсел я ближе к вознице. – И деревянных домов почти нет.

– Так запрещено. – Дородный усатый мужчина расслабленно сидел на козлах, лениво держа поводья. – Как сто лет назад Вальдорф чуть не дотла сгорел, так теперь только каменные дома разрешают строить. Вон сосед у меня года два назад пытался как-то себе домишко собрать. Думал, не заметят четырехстенку-то. Он уже и сруб скидал, и на фундамент поставил, ан нет, донесли добрые люди кому надо. Пришлось разбирать все.

– Землянки тоже нельзя строить?

– Нет. Снесут тут же. У наместника с этим строго. Приезжают, конечно, всякие, правил не знают. Селятся на окраинах, но их быстро оттуда выживают. Хочешь строиться – изволь получить разрешение, а это ой как недешево, а нет денег, так снимай койку в бараках, для них целый район имеется в стороне от города. Там тебе и мануфактуры, и заводы, работай сколько сил есть, глядишь когда-нибудь на дом накопишь.

Извозчик, как заправский гид, начал рассказывать об истории Вальдорфа, его главных достопримечательностях и важных событиях в жизни города. Чувствовалось, что мужчина гордится местом, где живет.

– А что, хорошо у нас тут. Работа есть, еда есть. Жена вон четвертого ждет, разродиться должна скоро. Главное, дворянам дорогу не переходи, среди них всяких хватает, бывает такие сволочи попадутся... – Мужчина вдруг осекся, сообразив, с кем откровенничает, и спешно завершил разговор. Ну да, не самая хорошая идея поливать грязью дворян в присутствии воспитанников интерната. Некоторые из нас, возможно, когда-нибудь получают титул. По крайней мере, многие в это верили.

Больше возница рта не открывал, да я и не настаивал, любуясь проплывающими мимо пейзажами и молодыми девушками, нарядившимися по случаю теплой погоды в легкомысленные платьица, почти не скрывающими прелестные ножки.

До канцелярии наша небольшая колонна добралась без приключений, да и там особо не задержалась. Леонид ненадолго заскочил в трехэтажное кирпичное здание, оставив нас под присмотром лейтенанта, но не прошло и десяти минут, как он вновь оказался на головной повозке, и путь продолжился. Вскоре выяснилось, что отправились мы на перевалочную военную базу княжества, расположенную неподалеку от Вальдорфа.

Повозки неспешно катились по пыльной дороге, и у меня не раз и не два возникала мысль, что на своих двоих скорость нашего отряда увеличилась бы вдвое, но, видимо, у начальства было свое мнение на этот счет. Так что мы покорно замерли на своих местах, держась за деревянные поручни и стараясь не вылететь с жестких сидений на очередной кочке.

Еще пара часов, и телеги с изнывающими от жары курсантами наконец прибыли в конечную точку сегодняшнего маршрута. День клонился к закату, до темноты оставалось не больше пары часов, а до границы нам предстояло преодолеть еще не один десяток километров.

Уставшие пацаны горохом посыпались с повозок, едва мы пересекли ворота и получили на то разрешение Леонида. Потягиваясь и разминая затекшие ноги, курсанты с интересом разглядывали место, куда нас привезли.

Перевалочная база чем-то напоминала интернат. То же огороженное стеной пространство, те же здания непонятного пока назначения, люди в форме, снующие по своим делам. Единственное, чего тут не было, так это полигона и спортивной площадки, что в принципе логично, вряд ли здесь кто-то задерживается надолго.

Как только ворота за последней повозкой захлопнулись, к Леониду подошел человек в чине кварт-капитана – на его груди виднелся золотой квадрат с двумя точками в центре. Короткий разговор, и вот мы уже строем направились сперва в казармы, где смогли оставить свои пожитки, а затем уже и в столовую. После обеда в поезде прошло много времени, и обострившееся в связи с этим обоняние позволило издали почувствовать запах вареной гречки.

На этом первый день летней практики, можно сказать, подошел к концу. Казарма на перевалочной базе мало чем отличалась от той, где мы провели почти год, так что мы практически чувствовали себя как дома, ожидая, что завтра вновь продолжим путь, но все оказалось немного не так, как я рассчитывал.

– Итак, – начал говорить, прохаживаясь перед нами, Леонид на утреннем построении. – Отсюда, с этой базы вам предстоит направиться на границу. Для нас отвели участок шириной в сто километров. Место достаточно спокойное и безопасное, если глупостей не делать, конечно. На этом участке находиться восемь застав. Группу разделят на звенья по три человека и распределят по заставам. К каждому звену прикрепят одного наставника из бывших учеников интерната. Что-то непонятно?

Зря он это спросил. Удивленные курсанты буквально засыпали вопросами Леонида: «А можно ли выбрать, кто с кем будет? Кто за нами приедет? Где будете вы сами в это время? Почему нельзя всей группе быть вместе?», и еще с десятков подобных.

Дождавшись, пока фонтан слов иссякнет, наставник начал обстоятельно разъяснять все непонятные моменты, связанные с нашим будущим.

Разделять курсантов во время практики на маленькие группы – стандартная практика. Причин для данного решения много, и Леонид их озвучивать не собирался, ограничившись фразой, что так, мол, заведено, и все устроено правильно. Формированием троек прибывший наставник займется лично, но пожелания курсантов многие стараются учитывать, поэтому стоит заранее подумать, кто с кем хочет служить. До тех пор, пока нас не заберут по гарнизонам, жить мы будем здесь. Перевалочная база для этого и создана. Сам Леонид возьмет шеф-

ство над теми курсантами, которых никто не выберет, но радоваться этому факту особо не стоит, так как проходить практику им придется на наиболее удаленной заставе.

Вопросов у пацанов, конечно, осталось еще много, но наставник рассказал все, что считал нужным, и покинул казарму, еще раз посоветовав подумать над тем, с кем бы мы хотели провести ближайшие несколько месяцев.

Не успела еще за Леонидом захлопнуться дверь, как ко мне тут же подбежал Витек:

– Ну что, кого третьего возьмем? Может, Капитона? Ринат вроде тоже надежный.

– Третьего? Я, может, думаю, кого вторым к себе взять, – усмехнулся я, но глядя на то, как лицо Витька смурнеет от обиды, поспешил успокоить парнишку: – Шучу, не нервничай так, а то испугаешь еще кого-нибудь. Что ж ты про Берта не вспомнил?

– Да ну его, он скучный. Молчит вечно. Да и не захочет он, наверное, с нами.

– Давай лучше его самого спросим. Берт, – позвал я парня, – третьим будешь?

– Буду, – как всегда лаконично ответил тот.

Примерно в такой же форме остальные разбились на тройки. За год курсанты друг друга неплохо узнали, и разве что у Кисляка возникли проблемы – никто его к себе брать не захотел. Сам виноват, ушлепок. Я все еще нет-нет да и вспоминал, как во время испытания он подставил Витька под удар мечом. Остальные пацаны, кстати, после того случая начали относиться к Кисляку с плохо скрываемым презрением. И поделом.

Первые покупатели, как я их по привычке называл, приехали на следующий день. К этому времени пацаны уже все извелись, ожидая, куда нас отправят и что за этим последует. Мое отношение ко всему происходящему было более спокойным: как я узнал у Леонида, особой разницы в том, где нам предстояло провести лето, не имелось, а раз так, то зачем лишний раз нервничать.

Молодой офицер, вошедший в казарму, мне с первого же взгляда не понравился. Высокий, одетый так, будто собрался на парад, он брезгливо осмотрел всех собравшихся и начал задумчиво перебирать бумаги, переданные ему Леонидом. В них, насколько я мог судить, находились наши личные дела. Вслед за первым гостем зашел второй – невысокий крепыш лет тридцати в том же лейтенантском чине. В глаза сразу бросались ладони мужчины – широкие, будто самой природой предназначенные для топора, вил или любого другого рабочего инструмента. Он походил на крестьянина, случайно надевшего военную форму. Да и лицо у вошедшего было, как это принято говорить, рязанское – широкое и практически круглое.

– Что, Серафим, не нравится тебе задание, да? – обратился мужчина к молодому офицеру.

– Не мне одному с этими возиться придется, Мирон, – ответил франт.

– Ты когда-то на их месте был, не забыл поди еще? Ишь морду он кривит.

– Эх, Мироша, Мироша, когда ты уже манерам научишься? Уступаю тебе право выбора. С тобой рядом мне неприятно находиться, – выпалив последние слова, Серафим вышел из казармы, бросив на нас брезгливый взгляд.

– А ведь раньше нормальным человеком был, – сказал Мирон совершенно другим тоном, перестав строить из себя неотесанного мужлана. – Ну что, ребята, посмотрим, давайте, кто тут у нас.

Мужчина с интересом закопался в бумаги, периодически хмыкая и кивая одному ему известным мыслям, наконец он отложил в сторону наши личные дела и спросил:

– Кто из вас Берт?

– Здесь я, – шагнул вперед парень.

– Со мной пойдешь. Выбрал себе уже напарников?

– Выбрал. Даррелл и Виктор.

– Ты уверен? – удивился офицер. – Я, конечно, выбор твой уважу, но ты подумай, время есть еще.

– Даррелл и Виктор, – все той же уверенной интонацией повторил Берг.

– Леонид, – мужчина посмотрел на нашего наставника, – у тебя в характеристиках ничего не напутано?

– Все верно там.

– Понятно. Ну ладно, чего уж теперь. Лучше иметь под рукой троих друзей, чем людей, которые друг друга не переваривают. Так, значит, слушаем меня. – Мирон перевел взгляд на нас. – Вы на время практики до самой осени переходите в мое прямое подчинение, через пять минут жду вас на плацу. Все личные вещи взять с собой. Сюда вы больше не вернетесь. Время пошло.

Мирон вышел из казармы, дав нам возможность попрощаться с одноклассниками. С некоторыми из них мы увидимся только через пять месяцев, ну а с кем-то, возможно, говорим в последний раз, как повернется судьба, известно только богам, если они действительно могут видеть будущее.

Пока мы обменивались пожеланиями удачи и неуместными шутками, скрывающими нервозность, в помещение вошел Серафим и, не обращая на нас внимания, просто выбрал из группы троих. Ждан, Капитон и Пахом поступили под начало этого высокомерного офицера.

– Самых сильных взял, – обидчиво произнес Кисляк, наблюдая за тем, как трое парней начали собирать вещи.

Честно говоря, я Ждану и остальным не завидовал. Не понравился мне Серафим. Было в нем что-то такое, что заставляло держаться от этого человека подальше. Уверен, не уступи он очередность выбора Мирону, то я был бы в числе его подопечных. Так что надо благодарить Берга, что он так приглянулся коренастому офицеру.

Пока пацаны обменивались прощальными фразами, я скользнул между ними к Леониду. Наставник стоял в сторонке, дожидаясь, пока Серафим что-то объяснит своим будущим спутникам.

– Ты Мирона хорошо знаешь? – шепнул я.

– Лично общаться не приходилось, но кое-что о нем слышал. Нормальный мужик. Надежный. Вроде как князю предан. О дворянстве с детства мечтает. Так что лишнее при нем болтать не стоит, тебе особенно. А так, радоваться надо, с ним не пропадете.

– Понял, спасибо за совет.

– Не за что. Береги себя, Даррелл, хотя за тебя я спокоен, а вот Витька держи рядом и следи, чтобы глупостей не натворил.

– Этот может, – согласился я. – Ну бывай, наставник, надеюсь, осенью увидимся.

– Надеюсь, – кивнул Леонид, хотя особой уверенности в его глазах я не увидел.

Попрощавшись с куратором, я отправился на выход. Все вещи уже давно были собраны, а больше в казарме меня ничего не держало.

Мирон ждал нас во дворе и, судя по походной одежде, на которую я не обратил внимания в казарме, и мешку за спиной, мужчина готов был отправляться в путешествие прямо сейчас. Парадно-выходная форма, в которой ходили большинство офицеров, для повседневной жизни была хоть и по-своему красивым, но все же не самым удобным вариантом. В узких брюках особо не поработаешь, а рубашка очень легко мялась. Сейчас же на офицере были надеты коричневые брюки из легкой ткани, куртка с закатанными рукавами и потертые кожаные ботинки.

– Слушаем меня внимательно, – привлек наше внимание Мирон. – Пока мы с вами в поле, на задании или просто находимся без лишних глаз, можете меня звать по имени, либо просто командиром, без разницы. Ну а на заставе, естественно, соблюдаем полную субординацию. Звания-то хоть знаете?

– Знаем, лейтенант Мирон, – вытянулся в струнку Витек. – Фамилию только вашу не знаем.

– Жраков моя фамилия. Если кто сейчас засмеется, ноги вырву и в уши вставлю!

– Ясно, лейтенант Жраков! – опять отличился Витек.

– Он всегда такой дурной? – Мужчина посмотрел на Берта.

– Всегда.

– Ой, чувствую, намучаюсь я с ним, зря, наверное, у тебя на поводу пошел. Ладно, разберемся. Слушаем дальше. Мои команды выполнять беспрекословно. Остальных можете вообще не слушать, над вами только я. Любые конфликты решать только через меня. Пока достаточно. Ну что, пора в путь.

– А на чем мы поедем? – Витек закрутил головой в поисках какого-нибудь транспортного средства.

– Ты маг или где? – всплеснул руками лейтенант. – Ножками. Топ-топ. Дня через два, глядишь, прибежим на место. Запасы только возьмем – и вперед.

Честно говоря, слова лейтенанта мы сперва восприняли как шутку, но после того как нам в мешки положили крупы, соль, несколько банок консервов, оказалось, что Жраков говорил всерьез. Стоило только выйти из ворот базы, как он тут же перешел на бег и начал быстро отдаляться. Пришлось догонять. Комфортное путешествие кончилось. Здравствуй, марш-бросок, чтоб тебя, как-то не скучал я по тебе.

– Верхом вы ездить не умеете, – прокомментировал Мирон, когда мы его догнали, – да и устанет лошадь быстрее, чем любой из вас. Уж на то, чтобы поддерживать силы магией, вам дара должно хватить.

– Долго нам бежать? – спросил я.

– Смотря как стараться будете. До вечера километров семьдесят я рассчитываю преодолеть.

– Сколько, сколько? – возмутился Витек.

– Столько, столько, – парировал Мирон. – Ты за год ничему не научился, что ли? Это я еще вас жалею. Для нормального мага такая дистанция – плюнуть и растереть, так что не стонем и шевелим ногами. Желательно молча. Бережем дыхание.

Совету командира в итоге последовали все. Витек, как самый слабый из нас, сэкономил силы и больше их на болтовню не тратил, ну а я просто бежал, периодически снимая усталость с ног магией. Единственное, что меня несколько напрягало, – обувь. Пусть на нас и были надеты качественные ботинки на толстой подошве, но и они бешеного темпа, заданного командиром, могли не выдержать. Так что на коротком привале, случившемся через два часа после начала нашего пути, я снял обувь и внимательно осмотрел каждый шов на ней, чем заработал одобрителный взгляд Мирона.

Интересно, пользуются ли нашим способом передвижения офицеры дворянского происхождения? Что-то я в этом очень сильно сомневаюсь. Того же Серафима, пусть он еще не получил титул, представить бегущим по пыльной дороге, ведя за собой трех юнцов, не особо получалось. Наверняка в гарнизоны ходят обозы с припасами, одеждой и прочими вещами, необходимыми любому воинскому соединению. Понятно, что на телегах, запряженных не самыми выносливыми лошадьми, мы бы за день преодолевали довольно скромные расстояния, но разве нас кто-то торопит?

Подобные мысли, по-видимому, занимали не только меня. Дело шло к закату, и, когда командир приказал останавливаться на ночевку, к Мирону обратился Витек:

– А лейтенант Серафим тоже до заставы будет бегом добираться?

– Серафим да бегом? Он бегом только в сортир ходит, – хохотнул командир, – куда ему. Поедет с комфортом. Пацаны, которые с ним, тех да, наверняка за телегой заставит бежать.

– Серьезно? Вот он сволочь!

– Курсант! – потемнел лицом Мирон. – Ты говоришь сейчас о действующем офицере княжеской армии. Если я еще раз услышу что-либо неуважительное от тебя в отношении лейтенанта Серафима или любого другого воина княжества, я тебя лично выпорю! Ясно? Отвечать!

– Так точно! – Витек даже приложил руку к сердцу, так, как делали настоящие солдаты.

– Вот и отлично, – расслабился командир. – Так, задание тебе. Сбегал быстро вон до той рощицы и притащил оттуда охапку сухих веток.

– Зачем? Магия ведь есть, – удивился парень.

– Ты совсем, что ли, не понимаешь, где находишься? Тебе приказ дали. Выполнять! Пока я не разозлился!

Витек от последнего окрика чуть не подпрыгнул и, сверкая пятками, понесся за дровами, нам же Мирон дал приказание организовать место под костер и набрать воды в котелок из журчащей неподалеку речушки – питаться всухомятку Мирон не собирался.

Минут через пятнадцать на небольшой полянке, укрытой от дороги высоким холмом, горел уютный костер, на котором медленно нагревалась вода в котелке. Вытянувшись на земле, Мирон задумчиво жевал травинку, глядя куда-то в сторону. Затем без всякого вступления выдал:

– Ну что, будущие воины, завтра у вас начнется настоящая армейская жизнь. Готовьтесь.

Глава 4

– В чем будет заключаться наша служба? – поинтересовался я у расслабленного командира.

– В первую очередь в том, чтобы слушать меня, ну и учиться. Я, конечно, не в восторге, что мне приказали возиться с первогодками, но, с другой стороны, когда-то всех интернатовских так же натаскивали. В патрули будем ходить, границу охранять, контрабандистов ловить. К вылазкам на вражескую территорию нас, надеюсь, привлекать не будут. В ваших личных делах хоть и написано, что вы двое неплохо владеете магией для такого возраста, но в реальный бой я бы пускать первокурсников не стал. Убьют ведь, а кому это надо?

– Часто происходят такие вылазки?

– Да нет. В основном когда дворянам сидеть надоедает на месте. То мы к каспийским сунемся, то они к нам.

– Много людей гибнет?

– Когда как, – Мирон выплюнул соломинку, – но магов редко убивают – сложно это, да и незачем. Гораздо выгоднее взять в плен и выкуп потребовать. А вот обычным воинам, тем само собой несладко приходится. Когда плавится земля и горит воздух, простым смертным лучше держаться в стороне от битвы магов, ну а коль не сумел затаиться – сам виноват. Но солдат не жалко, они за риск хотя бы жалованье получают, а вот если отряд врага деревню какую вырежет, тут да. Иной раз глянешь на сгоревшие дома да головы отрубленные и хочется всех этих тварей под корень вырезать!

– Врагов? – подключился к разговору Берг.

– Врагов, – кивнул Мирон. – Их самых.

– Часто деревни сжигают?

– Нет, иногда мы отряды каспийских на подходе ловим, иногда они просто по округе пробегут без особых разрушений, девок разве что заберут или попортят, как уж повезет. Но минимум раз в год какая-нибудь деревушка исчезает.

– А зачем тогда крестьяне селятся тут? – удивился я.

– Почти все земли на этой границе разделены между тремя богатыми родами. А богатые они потому, что поставляют армии провизию и прочие товары: коров выращивают, овец, лошадьми снабжают... да много чего еще. И ходит по княжеству слух, что здесь для крестьян не жизнь, а медовый пирог. Так что стекаются сюда все, кто судьбой своей недоволен, как мухи на это самое. Вот только на хрен они тут не нужны, все хлебные места заняты. Ну а возле самой границы земли ничейные. Воля там. Вот и селятся людишки на свой страх и риск. Боятся сперва, а потом привыкают. Подумаешь, соседняя деревня сгорела. Наша ведь цела. К тому же есть куча мест, куда очень сложно добраться. Засядет человек сто где-нибудь в лесах и живут себе тихонько.

– И много тут деревень таких?

– Тех, что в лесах, – мало, а вот обычных хватает. Но мы в них заходить не будем.

– Почему? – тут же спросил Витек. – Сейчас бы молочка, эх.

– Потому. Привыкайте к походной жизни.

– Вот оно что, а я-то думаю, зачем меня за ветками для костра послали, воду ведь можно магией подогреть.

– Не, не за этим. – усмехнулся Мирон. – Люблю я просто возле огня время коротать. Успокаивает он меня. Всё, консервы доедайте и спать устраивайтесь. Поутру проверю, чему вас в интернате научили.

– А мы не будем дежурство устраивать или что-то вроде того? Граница ведь рядом, – не успокаивался Витек.

– Мы в своем княжестве. Даже если рядом появятся лазутчики, в чем я очень сомневаюсь, они предпочтут обойти спящих. Ну а если вражеский отряд дворян нагрянет, то тут хоть ставь дозоры, хоть нет – бесполезно. В общем, успокойся и постарайся хорошенько отдохнуть ночью, а то бегаешь, как хромой мерин, медленно и спотыкаясь.

– Неправда!

– А то я не вижу. Доедайте ужин – и спать. Завтра трудный день.

Лежа на траве возле костра, завернувшись в одеяло, нашедшееся на дне мешка, выданного на перевалочной базе, я смотрел на звезды и луну, до последнего кратера похожую на спутник покинутой мной планеты. Мысли о насущных проблемах постепенно отошли на второй план. Невольно вспомнились родители, друзья, оставленные на Земле. Даже взгрустнулось как-то. Интересно, есть ли способ хоть на день вернуться обратно? Ответа я не узнаю никогда, да и надо ли? Если постоянно смотреть в прошлое, можно не увидеть настоящее. Сейчас у меня есть друзья, магия, новая жизнь, и даже это уже много, а все остальное придет со временем. Пусть прошлое останется в моих воспоминаниях.

Засыпал я с улыбкой на губах. А вот пробуждение было уже не таким приятным и радужным: об меня запнулся Витек и со всего маха приложился локтем по голове. Не понимая, что происходит, я подскочил с места как ужаленный, пытаясь понять, где враг и кто нападает, но задорный хохот Мирона слегка успокоил бешено колотящееся сердце.

– Витек! Мать твою, какого хрена?! – погасив первое желание отвесить нарушителю моего сна хорошего пенделя, я попытался выяснить, что же произошло.

– Да я отлить пошел, – начал оправдываться пацан, – и спросонья тебя не заметил, об одеяло это дурацкое споткнулся. А чего ты тут разлегся, не мог в другом месте спать?!

– Витек! Еще одно слово, и в лагерь ты прибежишь с красивым таким фингалом. Вот что ты за человек?

– Нормальный я! Ну не увидел, подумаешь. Ты вот тоже иногда...

– Так, все, – остановил Мирон говорливого пацана. – Коль уж все проснулись, поднимаемся и до реки бегом марш. Берт, ты слышал?

– Слышал, – буркнуло одеяло – парень закатался в ткань, как гусеница, даже головы видно не было.

– Ну коль слышал, то считаю до трех. Один... Два...

Берт дожидаться конца отсчета не рискнул и выбрался из своего кокона, присоединившись к нам с Витьком.

Холодная вода окончательно выгнала остатки сна, а вместо него пришел здоровый голод отдохнувшего за ночь человека, однако вместо завтрака Мирон погнал нас на тренировку. Как и обещал вечером, командир решил проверить, на что мы способны. И началось все с боя на импровизированных мечях. Оружие нам должны были выдать на заставе, а пока пришлось обходиться деревянными палками.

За год тренировок я с искусством фехтования на мечях, скажем так, смирился. Мышцы, усиленные магией, позволяли махать железками довольно долго, с приличной, по моему мнению, скоростью, но больших успехов я так и не достиг. В отличие, к примеру, от того же Берта, тот клинком владел на вполне приличном уровне, что и подтвердил Мирон, проведя с парнем учебный поединок.

Витек тоже оставил командира вполне удовлетворенным своим умением держать оружие, а вот после спарринга со мной, Мирон казался очень удивленным:

– Ты серьезно так плохо владеешь клинком или в поддавки играешь?

– Я больше упор на магию делаю.

– Допустим, но ты же дворянин. У тебя фехтование в крови должно быть.

– Не вы первый этому удивляетесь.

– М-да. Это никуда не годится. Будем, значит, учиться. Ну хорошо, покажи тогда, насколько ты силен как маг. Атакуй. Бей как можно сильнее.

Защиту, поставленную Мироном, мне пробить не удалось. Он пользовался каким-то хитрым щитом, создающим в воздухе неяркое мерцание. Мой скудный арсенал, рассчитанный на использование слабыми одаренными, не смог ничего противопоставить заклинаниям опытного мага.

После проваленного теста командир скептически скривился, что меня слегка задело. Стиснув зубы, я вновь атаковал мужчину, но на этот раз решил брать силой.

Зачерпнув максимум возможной энергии магического поля, я сформировал на ее основе пронзающий удар, способный пробить насквозь стальную пластину, и ценой повышения температуры тела до критической сумел наконец разрушить щит Мирона. Увы, развить успех не удалось – луч тут же наткнулся на второй слой защиты и увяз там, а я обессиленно уселся на землю.

В ушах пульсировала кровь. Испарина покрыла все тело, а сердце стучало так, будто хотело выпрыгнуть из груди. Сквозь шум я слышал одобрительное:

– А вот это уже неплохо. Иди пока, завтрак разогрей. Берт, Виктор, теперь ваша очередь.

Мирон проверял пацанов минут пятнадцать – все время, пока я колдовал над консервами, причем колдовал в буквальном смысле этого слова. Разжигать костер ради того, чтобы подогреть три жестяные банки, мне показалось глупостью, и хоть тело еще не до конца отошло от предельной для меня работы с магией, на простейшие действия сил еще хватало.

Спарринг с командиром в очередной раз показал, что простой мощью победить опытного противника крайне тяжело. Интернат многое мне дал, та же книга Илоны, которую я отдал перед отъездом обратно учителю, позволила хоть немного понять, как работает магия. Но даже самый хороший учебник не сможет научить действительно сложным заклинаниям, а тем более объяснить, как придумывать новые. В первые месяцы обучения мне, конечно, удалось сделать что-то, чего я раньше не знал – «шрапнельная атака» та же, но это было скорее удачным стечением обстоятельств, чем осмысленным действием. Позже я много раз пытался придумать что-то совершенно новое, что-то, чему в интернате не учили, но тщетно.

У меня получалось совершать простые действия с водой, огнем, воздухом или модифицировать в определенных пределах те заклинания, что уже освоил. Я владел телекинезом на вполне приличном уровне, но, например, как составить многослойный щит – не имел понятия. Попытки пойти простым путем и сложить две сферы в нечто наподобие луковицы приводили к разрушению магической конструкции.

Мне нужны были либо учебники с описанием сложных заклинаний, либо учитель. И очень хотелось надеяться, что Мирон не станет пренебрегать своими обязанностями. С другой стороны, а обязан ли он? Понятия не имею. Пока командир мне как человек импонировал – простой, без лишней строгости, но и спуску курсантам явно не даст. Хотя дядя мне тоже нравился, а потом он попытался меня убить.

Пока я разогревал еду, Берт и Витек, исчерпав силы, присоединились ко мне. Чуть позже рядом с нами приземлился Мирон:

– Ну что могу сказать? Неплохо. Берт – перспективный фехтовальщик, Даррелл – маг.

– А я? – насутился Витек.

– А ты – веселый. Такие в армии ценнее всего.

– Ваш щит вообще реально было пробить? – спросил я, опередив открывшего было рот Витька.

– Не вашими силами. Хотя ты почти это сделал.

– Научите?

– Уровень слияния у вас какой?

– У меня – второй, у остальных – первый.

- Ожидаемо. – Мирон поправил русые волосы. – Подумаю. Не сегодня так завтра.
- А у вас какой? – встрял Витек.
- Секретная информация. Вам не говорили, что ли? Не принято такие вещи спрашивать.
- Забыл.

– И зря. Я-то ладно, а вот кто-нибудь может и разозлиться. Скажу так. Обычно выпускники интерната после обучения выходят на третий уровень слияния. А дальше лет через пять еще один поднимают, потом – через десять. Ну и так далее. Хотя всякое бывает. Некоторые застревают в самом низу, некоторые скачут по ступеням, будто их сами Четверо благословили. С наследными дворянами все еще сложнее. Ладно, хватит болтать, солнце скоро высоко поднимется, а я по жаре бегать не любитель, доедаем – и в путь. К вечеру будем на заставе.

Бежали, как и вчера – по дороге, удивляя редких путников, а те, увидев, с кем пересекался их путь, отводили глаза, старательно делая вид, что их тут вообще не существует. Видимо, не особо тут любили солдат князя.

Местность еще вчера начала меняться, переходя в предгорья. Вокруг расстились густые лиственные леса, в которых при желании можно было укрыть не одно войско. Дорога то поднималась вверх, то петляла между холмами, поросшими деревьями. Невольно возникли мысли, что тут можно устроить отличную засаду. Но, насколько я знал, бандитов, промышленяющих на дорогах княжества, почти не существовало – велик был риск нарваться на дворян и сложить буйную голову. Да и граница рядом. В общем, места здесь считались бы спокойными, если бы не периодические вылазки вражеских отрядов.

Ноги отмеряли километр за километром, пропуская через себя энергию магического поля, дыхание настроилось на долгий и равномерный бег, сердце, гулко бухая в груди, перекачивало кровь по телу. Со временем мне даже начало нравиться это монотонное движение, когда мышцы и голова работают отдельно. Почти медитация.

Наверное, если бы не Витек, начинавший уставать после двух часов непрерывного бега, мы бы даже на привалы не останавливались, но пацану требовался отдых, он хоть и не жаловался, но шумное дыхание и замедление скорости были понятнее любых слов. Однако, даже с учетом перерывов, к вечеру, как и обещал Мирон, мы увидели деревянные стены пограничной заставы.

– Вот мы и на месте. – Командир остановился за несколько сотен метров до входных ворот. – Дальше пешком, а то и пристрелить могут. Вряд ли, конечно, получится, но на будущее: возле стен старайтесь быстро не передвигаться – часовые тут нервные.

– Боятся чего-то? – спросил Берт.

– Страх у военных всегда один – втык от начальства. Дворяне, те могут и забить на караул, им за это почти ничего не будет, а вот если обычного воина поймают спящим или, упаси Пятый, караульный пост покинет, то тут могут голову открутить. А уж плетей-то точно не избежать.

– А для дворян какие наказания? – поинтересовался я.

– Тут как начальник заставы решит. Сложно у нас с этим. Но я не осуждаю. Традиции такие. Дворяне на то и дворяне, чтобы быть выше простых людей. Но к тебе, Даррелл, это не относится: за все проступки курсантов несет ответственность их командир, и наказывать я вас буду сам. Надеюсь, конечно, что до этого не дойдет. Соблюдайте простые правила: с офицерами не спорить, в свары не вступать, драки запрещены, ну и главное – меня слушать, как отца родного. Все, идем, надо еще успеть вас на довольствие поставить.

Массивные, обитые железом ворота заставы оказались закрыты, однако нас явно заметили. Два человека на стене, укрытые навесом, с интересом разглядывали приближающихся людей, и когда до нас осталось не больше десятка метров, крикнули куда-то вниз открыть двери. Послышался звук отодвигаемого засова, и небольшая калитка слегка приоткрылась, чтобы пустить внутрь путников.

– Опять ты пешком, Мирон, – обратился к командиру немолодой мужчина в форме с лычками лейтенанта на груди.

– Зато быстро, а ты чего тут забыл? Наказали, что ли?

– А, – махнул рукой мужчина, – как обычно, полковник сюда сына назначил, а тот решил, что у него есть дела поважнее, вот теперь сижу тут. Плевать, с Нестором связываться – себе дорожке. Скажи лучше, кого тебе в этом году навязали? Нормальные бойцы или, как обычно, кисель?

– Первогодки, какие из них бойцы, но вроде перспективные, один, правда, болтливый очень, – Мирон хлопнул по плечу Витька, – а второй вообще дворянин, – теперь хлопка удостоился я.

– Вот дела, – покачал головой лейтенант. – Ну удачи тебе с ними. Ты ведь к коменданту сейчас? Михалыч вроде на месте, успевай.

– Понял, бывай, Леха, увидимся еще.

Стоило нам немного отдалиться от ворот, как Витек полез к Мирону с расспросами:

– Вы друзья с ним, что ли?

– Так, курсант, мы на заставе. Начинаем учиться говорить правильно. Лейтенант, разрешите вопрос. Ну-ка повтори.

– Лейтенант, разрешите вопрос?

– Не разрешаю. Но отвечу. С Алексеем мы действительно друзья.

Застава, обнесенная высокой трехметровой стеной со сторожевыми башенками по периметру, представляла собой эдакую крепость, только без замка, и вмещала, насколько мне было известно, около двухсот человек. В центре заставы приплюснутым блином притаилось здание штаба (только на нем трепетал на ветру флаг); по конскому ржанию и дорожке, истоптанной множеством копыт, угадывалась конюшня. Казарма, похожая на ту, в которой мы жили в интернате, смотрела на меня застекленными окнами. Ну и с первого же взгляда узнавался плац, куда же без него. Как вспомню, сколько времени мне пришлось провести на нем, пока я служил в рядах РА, прямо дрожь берет.

Все-таки место, к которому приложила руку армия, хоть в этом мире, хоть в нашем, всегда можно угадать с первого взгляда. Все вокруг было подчинено какому-то смыслу и имело определенную, прописанную в уставе функцию. Тут даже трава была одного цвета, без лишних оттенков и возмутительных цветов, в изобилии растущих за стеной заставы. Здания не имели украшений, дорожки оказались идеально выметены, что, впрочем, не удивительно – прямо сейчас не меньше десяти человек по всей территории орудовали метлами.

В противоположных углах заставы я заметил два строения, в назначении которых сомневаться не приходилось – часовенка Милосердной матери и небольшая церковь Четырех. Этого мне только не хватало. Общение со жрецами у меня как-то не задалось. Оставалось только надеяться, что служители богов моей персоной не заинтересуются. Почти год прошел с посещения жрецами интерната, может, обо мне вообще забыли за это время? Хотелось бы в это верить.

За разглядыванием местных достопримечательностей и тяжелыми раздумьями я почти не заметил, как прошел наш путь к коменданту. Никто на прибывших курсантов внимания не обращал – каждый солдат и офицер занимался своим делом, не отвлекаясь на посторонние занятия, так что мы спокойно добрались до небольшого кирпичного здания, совершенно лишенного окон.

Дальше хмурый мужчина с огромным пузом и хитрыми глазами внес нас в какие-то списки, под бдительным надзором командира выдал необходимую экипировку и вручил наконец оружие. На поясе заняли свое место стандартные для всех солдат княжества прямые пехотные шпаги. До офицерских мы еще не доросли.

Расписавшись в получении особо ценных вещей, наша троица, нагруженная формой, постельными принадлежностями и прочим барахлом, двинулась обживать выделенную комнату. Как оказалось, в казарму, где жили обычные солдаты, мы не попадем. Курсантам предоставили отдельную комнату в общежитии для офицеров. Маленькая, без излишеств, но после душного, заполненного людьми помещения, где мы жили последний год, она показалась нам настоящими хоромами. Не знаю уж, почему нам выпала такая милость, может, из-за того, что Мирон жил через стенку, а может, чтобы с солдатами не якшались, но я был рад.

– Ну вот, располагайтесь. – Мирон толкнул нужную дверь. – Туалет прямо по коридору, душ там же. Питаться будете в общей столовой, ужин вы уже пропустили, но ничего – переживете. Из здания не выходить, завтра в шесть подъем, начнем ваше обучение.

– Разрешите вопрос: а почему тут так пусто? – спросил Витек.

– Так офицеры либо в патруле, либо в увольнении, чего им тут делать? Большинство здесь только спят, да и то не всегда. К тому же офицеров на заставе человек сорок, и пятеро из них – полковник и его замы, которые живут в отдельном здании.

– Так мало?

– Это спокойный участок. Боевые маги нужны в других местах. Все, до завтра. И помним про наказания, из общежития ни ногой! – Мирон захлопнул дверь, оставив нас разбирать вещи.

Комната, предназначенная для проживания, представляла собой вытянутое помещение с четырьмя узкими кроватями и прямоугольным окном, сквозь которое можно было увидеть плац и тренировочную площадку. Прямо к подоконнику был придвинут стол и четыре стула. Тумба для оружия стояла возле входа, там же находился шкаф – один на всех, а рядом с кроватями приткнулись небольшие тумбочки, в одной из которых обнаружили игральные карты.

Потрепанная колода с выцветшими картинками была тут же бережно пересчитана и с удовлетворением признана готовой выполнять свою главную функцию – скрасить время ожидания будущих солдат княжества. Деревенских пацанов – Берта и Витька – азартным играм научили городские, и пусть такое в интернате не поощрялось, но было время, когда за казарменным столом рубилась в нарисованные от руки карты почти вся группа.

Как только кровати были застелены, а комната проинспектирована на предмет наличия каких-нибудь полезностей, Берт и Витек, не найдя себе полезного занятия, засели за игру. У меня же встал выбор между тем, чтобы привести в порядок оружие или присоединиться к пацанам, но пачкать пол пылью от точильного камня совершенно не хотелось, как, впрочем, и брать в руки карты, поэтому я по сформировавшейся уже привычке обратился к медитации.

Первые минуты азартные выкрики Витька и Берта слегка отвлекали, но постепенно окружающие звуки отдалились, остались где-то в стороне и перестали мешать. Это был не транс, я все еще полностью ощущал тело и понимал, где нахожусь, но все равно в таком состоянии магическое поле воспринималось намного четче, чем обычно.

Океан силы, и я в нем. Магия обтекала меня, не проникая внутрь, иначе невидимая сила просто разорвала бы хрупкую оболочку. Именно дар позволял пропустить через себя частичку этой бушующей энергии и воспользоваться ею по своему усмотрению. Но сила слепа. Она может только разрушать, и задача мага заключалась в том, чтобы направить ее. Не поставить себе на службу, на это способны только боги, но лишь подсказать, что и как нужно делать.

Я хотел понять способ создания заклинаний. Понять, почему одна и та же сила, пропущенная через волю мага, может как нагреть воду, так и заморозить ее. Пацанам проще, им показывают, как работает магия, они пытаются повторить, в какой-то момент у них получается, и на этом все успокаиваются, а мне мало. Для местных жителей магия – это обыденность. Они с детства о ней знают и воспринимают просто как одно из природных явлений. Кто-то родился толстым, кто-то высоким, а кто-то – владеющим магией.

Капли энергии магического поля собирались у меня на ладони. Медитация позволила совершать тонкие энергетические манипуляции, не несущие практической пользы, но улуч-

шающие навыки контроля. Я заметил, что начал тратить меньше усилий на каст известных заклинаний. Если полгода назад пять рассекающих ударов высасывали силы досуха, то теперь я мог контролировать их мощь, тратя ровно столько энергии, сколько мне требовалось для конкретной задачи. Например, сейчас я был способен нашинковать палку колбасы на дюжину маленьких кусочков. Правда, потребностей таких у меня еще не возникало.

Медитация незаметно для меня перешла в сон, где я будто бы плыл в своем втором облике, но делал это не в океане, а по небу. Летающий кит – любимая фантазия некоторых земных художников. Что может быть более странным?

А в шесть утра дверь комнаты распахнулась, и на пороге показался Мирон:

– Подъем, курсанты, солнце уже взошло!

Глава 5

Бодрый голос командира прорвался сквозь сон, заставив открыть глаза и подняться с постели. По привычке, выработанной за год, мы вытянулись возле кроватей, на утреннее построение.

– Даррелл, почему в одежде? – недовольно спросил Мирон.

– Виноват. Не заметил, как уснул.

– Здесь вам постельное белье никто стирать не будет, как и вещи. Так что за чистотой одежды следите, как за собственными причиндалами. А увижу грязь на форме, будете неделю прачками работать для всей заставы. Приводим себя в порядок, и через пять минут жду всех на улице.

Стараясь не тратить лишнего времени, мы как можно быстрее заправили кровати, добежали до раковин, умылись и вылетели из общежития, чтобы встретить там недовольного командира.

– Распорядок у нас следующий: если мы не в патруле, то в шесть часов вы должны быть в тренировочной зоне и ждать меня. В семь тридцать – общее построение, в восемь – завтрак, после него нас либо направят на работы, что вряд ли, либо выходим за стену. Вопросы?

– Как мы узнаем, что уже шесть утра? – спросил Берг.

– Молодец. Разумный вопрос. Будильник я вам, пожалуй, подарю, а то сами вы время чувствовать еще не умеете. Если больше вопросов нет, то бегом на площадку, пока она пустая. Застава просыпается в семь, и у меня есть целый час, чтобы хоть чему-нибудь вас научить.

Обучением Мирон назвал часовое занятие по фехтованию. Причем если в интернате мы тренировались с деревянным оружием, то сейчас командир даже слушать ничего не захотел о возможных травмах и заставил работать пехотными шпагами, заявив, что местный лекарь вполне сможет заживить раны, если такие появятся.

Сняв рубашки и майки, чтобы не испортить одежду во время спаррингов, мы обнажили тяжелое, не очень удобное оружие и приготовились приступить к отработке заученных ударов. Я по привычке встал напротив Витька, но Мирон жестом позвал меня к себе, отправив парнишку работать с Бергом.

– Разрешите вопрос, – обратился я к командиру. – Зачем нам фехтование? Магия ведь куда эффективнее. В интернате учитель, конечно, говорил и про дуэли, и про истощение, но все же?

– Магия спешки не терпит, а у нас час всего на тренировку. Будет. Все будет, но не сейчас. А насчет фехтования ты не прав. Сойдутся в противостоянии два мага равной силы, поставят блоки и пробить друг друга не смогут, тут и придет время стали. А когда говорят мечи, призывать магию уже нет времени – замешкаешься на секунду, и опытный противник тут же воткнет тебе клинок в живот. Убедил?

– Нет.

– Да и плевать. Нападай, буду объяснять, что ты делаешь не так.

Час пролетел незаметно. Мирон не давал ни секунды передышки ни мне, ни пацанам. Во время нашего спарринга он постоянно держал под контролем всех троих, то и дело покрикивая на Витька с Бергом, чтобы они не филонили. Казалось, что у мужчины имелись глаза на спине. Он видел все, и это при том, что я каждую секунду пытался атаковать его. Мирон с легкостью отводил в сторону любые мои удары, успевая к тому же комментировать наши действия.

– Быстрее. Острее угол. Ноги. Следи, чтобы они не мешали тебе. При выпаде делай глубже шаг. – Такие и еще множество иных фраз я услышал за короткую тренировку и, что интересно, действительно начал лучше понимать, какие именно действия совершаю неверно.

Витек за отведенный нам час все-таки умудрился заработать длинную царапину на руке. Порез обильно кровоточил и грозил запачкать одежду. Хорошо хоть, пацан вспомнил, что нас учили останавливать кровь, и после небольшого раздумья воспользовался магией. Из-за травмы паренька нам, вместо того чтобы отправиться в душевую, пришлось выяснять, где находится местный лазарет.

Оставив Витьку возле узкого одноэтажного здания, спрятанного в густых кустах сирени, мы с Бертом отправились приводить себя в порядок и ожидать сигнал общего построения. Застава уже проснулась. На улице появились солдаты. Кто-то сломя голову мчался в общий сортир, расположенный неподалеку от казармы. Кто-то общался со своими сослуживцами. Кто-то приводил в порядок одежду, вытащив на солнце швейные принадлежности.

А в общежитии для офицеров, неожиданно для меня, жизнь не особо бурлила. Нет, были там несколько человек, которые уже привели себя в порядок и были полностью одеты, но видел я и довольно сонные лица людей, вяло перемещающихся по полупустым коридорам. На нас офицеры внимание обращали не больше, чем на насекомых, взглянут одним глазком, поймут, кто перед ними, и дальше идут по своим делам.

Раковины и душевые кабинки оказались свободны, и мы все-таки успели привести себя в порядок до построения, а вскоре вернулся Витек и с порога заявил:

– Там такая помощница у лекаря... Я, кажется, влюбился!

– Как быстро растут дети, – хохотнул я.

– Чего говоришь? А, не важно, – отмахнулся пацан. – Я, в общем, зашел туда. Лекарь мне руку осмотрел, заживил рану, ну как обычно, в общем, а потом зашла его помощница. Она, конечно, старше меня, но красивая – жуть!

– Так красивая или жуть? – спросил Берт с абсолютно каменным лицом.

– Да ну вас! – насупился Витек и хотел было еще что-то сказать, но протяжный звон опередил его – так звучал сигнал общего построения, через пять минут мы должны были оказаться на плацу.

Каждый солдат гарнизона, в отличие от нас, прекрасно знал свое место в трех шеренгах, выстроенных на утопанной земле. Будто пазл в обратной перемотке, они собирались из разрозненной кучи людей в три ровные линии. К счастью, Мирон наше замешательство заметил и привлек к себе внимание взмахами руки, так что вскоре мы пристроились возле самого края шеренги, расположившись друг за другом. Спереди, как самый рослый, оказался Берт, затем я и Витек. Командир встал сбоку. Что интересно, других офицеров в строю я не заметил, только рядовой и сержантский состав заставы.

Перед строем, листая какие-то бумаги, замер высокий человек в чине кварт-капитана. Офицер какое-то время водил взглядом по тексту, а затем поднял глаза на солдат.

– Слава воинам княжества Орловского! – прозвучал его громкий голос.

– Слава! – Сотня кулаков ударили в грудь.

Сразу после традиционного воинского приветствия начались отчеты командиров взводов. Сержанты кратко проинформировали о количестве личного состава, кто где находится и по каким причинам отсутствует. В основном на построении не было солдат, которые на данный момент заступили в наряд, либо патрулировали границу, однако имелись и больные, что отлеживались в лазарете по тем или иным причинам.

Что интересно, от Мирона никто доклада не ждал. Как только последний сержант отчитался, капитан выдал краткие распоряжения каждому из командиров четырех взводов ипустил всех.

После построения нас наконец отвели в столовую, посадив за отдельный стол. И опять же, ни одного офицера кроме Мирона поблизости не оказалось. Чтобы внести ясность, я обратился к командиру:

– Разрешите вопрос. А где все офицеры?

– В малой столовой, скорее всего. Дворяне кушать рядом с солдатами не любят.

– Чем они вообще занимаются? Нам объясняли устройство армии княжества, но тут все совсем не так, как я представлял.

– На самом деле все просто. – Мирон подул на ложку с кашей. – Есть солдаты. Они служат, получают жалованье, ходят в караулы, поддерживают заставу в работоспособном состоянии. Над ними стоят офицеры, организующие их работу, – наш кварт-капитан, например. Однако большая часть офицеров не командуют никем. По уставу, конечно, могут и при необходимости займутся этим, но они сами по себе боевая единица. Один средний маг куда опаснее взвода простых солдат.

– И чем все-таки они занимаются?

– Ну смотрите. На заставе сорок офицеров. Пятеро занимаются организационными делами. Десять магов обязательно должны находиться в боевой готовности. Они, как правило, сутки дежурят потом отдыхают двое. Остальные в это время могут назначаться в патрули по границе или в увольнительных развлекаются – есть тут селения неподалеку, где и выпивки, и девочек хватает: город Лесной, например. Как-то так. Имеются, правда, на заставе и неприкасаемые, которых работать не заставишь, но таких единицы.

– Сын полковника?

– В том числе. Кварт-лейтенант Нестор Обрезков. Осторожнее с ним – очень своеобразный человек.

– Спасибо, учту. А еще вопрос: выпускников интернатов среди этих офицеров много?

– Нет. Не на этом участке границы. Спокойно тут, поэтому дворяне все места заняли. Удобная у нас заставка. С одной стороны, вроде как и рядом с каспийскими, поэтому честь, почет, уважение, а с другой – врага за год можно и не увидеть ни разу. Интернатовских направляют туда, где стычки и налеты – явление регулярное. Мне вот только повезло, да и то потому, что я как наставник себя неплохо зарекомендовал, ну и контрабандистов ловлю регулярно. Сейчас как раз этим и займемся. После завтрака смотрите до Михалыча, пусть паек на сутки выдаст и остальное, он знает. Через полчаса жду вас возле ворот.

Доев кашу с едва заметными в ней волокнами мяса, мы втроем, как и приказал командир, наведались к заведующему складом, который без лишних вопросов выдал нам все необходимое, безмерно меня удивив тем самым. Не ожидал я, что хмурый пузатый дядька так легко расстанется с подотчетным имуществом. Однако нет, каждый из нас получил немного провизии, а также походный набор, состоящий из плащ-палаток, фляг для каждого курсанта и разнообразной мелочи.

Закинув полученное в рюкзаки, выданные там же, мы покинули склад и прямым ходом двинулись к центральным воротам, где нас должен был ждать Мирон. Однако командир задерживался, и мы расположились недалеко от караулки, где вскоре стали невольными свидетелями довольно безобразной сцены.

К офицеру, с которым вчера по прибытии на заставу общался Мирон, подошел молодой кварт-лейтенант. Был он невысок, худощав, свои черные волосы предпочитал заглаживать назад и, судя по всему, заливать их литрами лака так сильно, что они блестели на солнце, словно застывший деготь. Мужчина был явно не в духе и с ходу начал обвинять в чем-то ничего не понимающего офицера.

– Что ж ты, сволочь безродная, меня отцу сдал? Я ведь тебя по-человечески попросил, подмени меня на карауле, так ведь нет. Тут же побежал доносы строчить. Ну, чего молчишь, морда?

– Оно мне надо, Нестор? Не говорил я ничего.

– А кто тогда? Ты наверняка знаешь!

– Может, лучше у друзей своих спросишь? С которыми пил вчера?

– Ты их сюда не приплетай. Они в отличие от тебя, – дворяне и знают, что такое честь. Наверняка это из-за тебя меня наказали, нутром чую! Неделю теперь с заставы не выйти, еще и проверять отец будет. Скотство какое! Все, можешь идти. Я теперь тут буду службу нести.

– Я и так не должен тут находиться. Ты, если не забыл, обещал сегодня меня сменить.

– Обещал – сменил. Все, вали уже, и так тошно после вчерашнего, ты тут еще.

Чувствовалось, что оскорбленный лейтенант хотел что-то высказать наглому дворянчику. Желваки на его скулах ходили будто живые, грозя порвать кожу, но офицер все-таки сдержался, лишь стукнул кулаком по груди на прощание и пошагал прочь.

– Я в караулку – спать, – бросил Нестор солдатам, стоявшим возле ворот, – отца если увидите, будите, иначе шкуру спущу с каждого.

Погрустневшие воины только кивнули, а кварт-лейтенант, громко хлопнув дверью, закрылся в небольшом домике, из которого тут же выскочили два солдата, отдохавшие там. Судя по всему, дворянин общество обычных людей не любил.

– Ну и мразь, – прокомментировал увиденное Витек.

– Поддерживаю, – кивнул я, – ты только мысли свои при себе держи, а то знаю я таких, если услышит – проблем не оберешься.

– Чай не дурак, соображаю, – ответил парнишка.

– Барин у нас в деревне живет, один в один этот лейтенант. Всегда его придушить хотел, – внезапно разразился длинной фразой Берг, однако дальше свою мысль развивать не стал.

Минут через пять после вышеупомянутой сцены возле ворот нарисовался Мирон. Подписав какие-то бумаги у караульных, он махнул нам рукой, приказав следовать за ним, и вышел через открытую дверь за стену.

– Наконец-то, – глубоко вдохнул командир, когда мы немного отошли от стены, – запах свободы.

– Навозом пахнет, – принялся Витек.

– Понимал бы ты чего. Не люблю я внутри заставы находиться. Там куда ни плюнь – начальство, а здесь я сам себе командир.

– Ну да, мы только что Нестора Обрезкова видели. Он того лейтенанта, что нас вчера впустил, минут пять грязью поливал.

– Своеобразный человек, – нахмурился Мирон. – Говорил ведь уже. Все, забыли про него. На заставу вы вернетесь не раньше, чем завтра днем.

– У нас какое-то задание? – спросил я.

– Задание у меня всегда одно: ищем контрабандистов. За торговлю с Каспием наказание для всех одинаковое – смертная казнь, так что ребята тут шастают отчаянные. Каждый сезон несколько групп отлавливаем или уничтожаем, но они появляются снова – уж больно барыш хороший можно поймать.

– А что возят?

– Разное. Одиночки часто наркотики таскают. Те, кто группами ходят, – артефакты времен года страха перевозят, амулеты еще в ходу. Говорят, в Миргороде местные умники начали делать разные магические побрякушки, князь такое на сторону не продает, а все ж таки утекают амулеты в другие страны. В общем, хватает контрабанды. Иной раз поражаешься, какую только дрянь не ташат.

– А когда поймают, ну контрабандистов этих, что с товаром делают? – заинтересовался Витек.

– Все изъятое отправляется в столицу. И если у тебя вдруг возникли дурные мысли утаить что-нибудь, то выбрось их из головы. Полковник за такое тебя лично сожжет заживо. Уяснил?

– Да я ж так просто спросил. Ничего я такого не думал.

– Ну-ну, – хмыкнул командир. – Все, выдвигаемся. Пройдемся по тем тропам, которые мне известны. Следы посмотрим. В лесу не шуметь. Старайтесь вообще не говорить друг с

другом. Вряд ли, конечно, кого-то встретим рядом с заставой, но смотрите в оба, если заметите что-нибудь подозрительное, мне говорите.

– А правда, что в этих лесах призрачники водятся? – опять спросил Витек.

– Правда, но вам-то чего бояться?

– Да нет, я просто не видел их ни разу.

– О чем вообще речь? – напрягся я. – Что за призрачники?

– Медведя видел? – посмотрел на меня Мирон.

– Да.

– Ну так вот, совсем на него не похожи, – заржал он. – Все, идем, пусть тебе об этом друзья расскажут, пока в лес не зашли.

– Даррелл, ты чего, – подошел Витек. – Не знаешь, кто такие призрачники?

– Память, – скривился я.

– А, точно же. Призрачники – это звери, которые магией обладают. Ну не так, как мы, но что-то умеют. Говорят, когда-то давно, еще до всеобщей войны, какой-то великий маг вселял в зверей призраков, ну тех, которые к Милосердной матери не ушли. А звери эти возьми, да и не помри. Какие-то огнем начали плевать, некоторые невидимыми могли становиться. Ну вот, великий маг наделал этих призрачников и выпустил на волю. С тех пор живут они на земле. Возле больших городов их поубивали уже, а вот в таких лесах все еще можно встретить.

– На сказки походит.

– Сказки не сказки, а прадеда моего такой призрачник съел. Отец, правда, говорит, что это волки были, но чтобы прадеда да какие-то волки съели, не поверю никогда. Призрачники, точно говорю.

– Трепло ты, Витек, – подошел к нам Берт.

– А от тебя коровником все еще пахнет! – огрызнулся пацан.

– Хватит! – оборвал я обоих. – Вам же сказали не шуметь.

Парни недобро посмотрели друг на друга, но разборки устраивать между собой передумали. Эти двое нет-нет да и начинали гавкаться по поводу и без. Витек был куда острее на язык, зато Берт мог и кулаком в зубы дать без лишних разговоров. В общем, приходилось мне между ними вставать, как рефери между боксерами после гонга. Пока вроде как успешно.

Патруль, в котором мы участвовали скорее как статисты, оказался крайне скучным мероприятием. Мирон, выбирая только одному ему известные тропы, вел нас по лесу, останавливаясь в каких-то непримечательных местах, чтобы осмотреть траву, деревья, кустарники, но ничего заслуживающего внимания пока не обнаружил и вел нас дальше. Честно говоря, уже через полчаса я перестал понимать, где мы находимся, и ориентировался исключительно по солнцу.

Холмы, овраги, буреломы, лесные тропы... через какое-то время все это слилось в череду одинаковых, не запоминающихся образов, а Мирон все шел и шел, аккуратно ступая по густому подлеску. Видно было, что мужчина чувствовал себя здесь как рыба в воде. Ни разу еще он не выдал себя громким звуком или резким движением, чего нельзя было сказать о нас. Трое пусть и тренированных, но совершенно не привычных к лесу парней издавали множество лишнего шума, и особенно в этом преуспел Витек, периодически спотыкаясь о торчащие корни и матерясь, вляпавшись в очередную паутину, натянутую меж деревьев.

В тот момент, когда мне уже начало казаться, что Мирон так и будет идти до самого вечера, дорогу нам преградил настолько густой участок леса, что протиснуться между деревьями и переплетенными ветвями казалось невозможной затеей.

– Пришли, – подытожил командир.

– Куда? – тут же оживился Витек.

– Увидишь скоро. Вам понравится.

Проход сквозь природную преграду отыскался в небольшом овраге, заросшем густой травой. К тому же узкий тоннель, прорубленный кем-то в ветвях ближайших деревьев, был умело замаскирован, и с ходу обнаружить его я бы точно не смог.

Пробираться сквозь этот тайный проход пришлось очень аккуратно – обрубленные ветви так и норовили зацепиться за одежду или поцарапать незащищенные участки кожи. Я медленно шагал вслед за Мироном, видя перед собой только его спину, но когда деревья наконец расступились, то на моем лице непроизвольно появилась улыбка.

– Место силы, – удивленно пробормотал Витек, вышедший следом.

– Оно самое, – довольно подтвердил выводы пацана Мирон.

Перепутать место силы с каким-нибудь другим было просто невозможно. Висящее в воздухе пламя не могло означать ничего другого. Холодное, постоянно меняющее цвет, оно бездымно горело, освещая уютную поляну, окруженную вековыми деревьями.

– Тренироваться будем? – спросил Берг. Его красота этого места особо не волновала, он был практиком до мозга костей.

– Конечно, – ответил командир. – Лучшего места для работы с магией придумать невозможно. И не мешает никто, и силы вокруг в избытке. Любое заклинание само в руки течет.

– А чему мы учиться будем? – тут же встрял Витек.

– В основном боевой магии, вы как-никак воины княжества и будущие дворяне. А, ну да... – Мирон посмотрел на меня. – В любом случае вы должны уметь противостоять магам. Обычные люди для вас уже не соперники, по крайней мере один на один, вот только воевать нам придется с одаренными.

– Как вы думаете, – спросил я, – война будет?

– Война всегда идет. Тайная или явная, но идет. Но я понимаю, что ты имеешь в виду, и отвечу тебе так: Каспийское и Орловское княжества уже лет тридцать полноценно друг с другом не сталкивались, и за это время мы слегка жирком заплыли. Дворян расплодилось много, а боевого опыта у них, в отличие от каспийских аристократов, нет. Те без дела не сидят. Каждые десять лет с кем-нибудь да сцепятся. А сейчас у них вроде как перемирие с соседями. Вот и думается мне, что зря начальство наше расслабилось.

– Убийство Юрия Орлова сможет послужить поводом для начала войны?

– Поводом может служить даже испорченный воздух на приеме в княжеском дворце. Если кто-то хочет начать свару, он найдет причину. А Юрия убили не каспийские.

– Откуда вы знаете?

– Не важно. Держи уши открытыми и тоже будешь знать многое. Все, болтать можно долго, а время у нас есть до темноты, утром обратно пойдём.

Языки пламени плясали над землей, не касаясь ее, создавая на поляне причудливые тени. Огонь то вспыхивал, будто в него плеснули бензин, то замирал, пугая своей готовностью потухнуть в любой момент, но через несколько секунд яркий свет вновь озарял окруженную деревьями поляну. А в это время на примятой сапогами траве три молодых человека замерли напротив коренастого мужчины, с непропорционально длинными руками и пытались понять то, что он им вещал.

Учитель магии из Мирона оказался так себе. Если Илона при объяснении особенностей какого-нибудь заклинания пыталась донести до нас принципы действия или базовые понятия, за которые можно зацепиться, то Мирон просто раз за разом повторял заученные когда-то фразы:

– Пробить простой магический щит поможет «бур». Создается он так: как только почувствуешь силу магического поля, начинаешь ее закручивать. Чем выше скорость вращения силы, тем лучше. Крутишь, крутишь и как только понимаешь, что сейчас потеряешь контроль, выпускаешь заклинание на волю. Я так делаю. «Бур» только пробьет в защите брешь, а дальше требуется уже другое заклинание.

Звучало все просто, но как-то топорно, что ли. Мне такого объяснения было совершенно недостаточно, а вот пацаны, кажется, начали что-то понимать. По крайней мере по широкой улыбке на лице Берта можно было сделать вывод об успешном начале.

Магию я чувствовал. Рядом с пляшущим пламенем она мгновенно отзывалась на любое внимание. Протяни мысленно руку, и вот она уже готова действовать, только направь ее, слепи из нее все, что только душе угодно. Но не получалось у меня. Во всех предыдущих заклинаниях сила просто вливалась в готовую структуру, будь то защитная сфера, удар кулаком или левитация. Здесь же требовалась совсем иная работа.

Спираль. Винт. Штопор. Ассоциации роились в голове, пытаюсь соединиться с магическим воплощением, но раз за разом это не приносило результата. И только когда я вспомнил о водном мире, который мой мозг визуализировал для инициации, на ум пришел новый образ. Водоворот. Вода, уходящая в глубины бездны, формирует воронку, и чем ближе горлышко этой воронки, тем выше скорость вращения жидкости, а разве магическое поле, пронизывающее мировое пространство, не похоже на океан?

Поглощенный этой идеей, я полностью отключился от происходящего вокруг и попытался скрутить разлитую вокруг силу, помогая ей движениями рук. Я будто невидимый руль вращал, и пусть выглядело это наверняка глупо, главное – сила подчинилась.

Скорость движения магической энергии все возрастала. Я практически видел, как вершина воронки, направленная от меня, начала светиться от напряжения, и в тот момент, когда у меня перестало хватать сил, чтобы удерживать эту мощь, я отпустил сжатую пружину магии.

Из меня будто стержень вытащили. Силы ушли в ноль, тело покрылось испариной, а температура подскочила до критической.

Все манипуляции с магией я проводил с закрытыми глазами, а когда их открыл, то первое, что увидел – матерящегося Мирона, и лишь затем – глубокую воронку в земле рядом с ним.

– А ведь могли и без командира остаться, – глубокомысленно изрек Витек.

Глава 6

– Немного не такого эффекта я ждал... – Мирон подошел к дымящейся воронке.

– Привыкайте, – сказал Витек, – он вечно учителей в интернате удивлял. То воду в стакане взорвет, то порез на себе вылечит. Он даже испытание прошел последним, а потом победил самого сильного врага.

– Витек! – мне пришлось прикрикнуть на пацана. – Давай я о себе буду сам рассказывать, когда это надо.

– Да нет, пусть болтает, – усмехнулся командир, – мало ли каких сюрпризов от тебя еще можно ожидать. Ты как вообще себя чувствуешь? Повторить заклинание сможешь?

– Пока нет. Минут десять точно надо передохнуть, иначе рискую потерять сознание.

– Ну хорошо, подождем. Очень мне интересно, что ты там наколдовал. По моему опыту, обычный «бур» служит для разрушения щитов, больше он ни на что не годен, а у тебя получилось что-то совершенно непонятное. Отдыхай.

Провести повторные испытания «воронки» спустя десять минут не удалось, слишком я был оптимистичен в своих прогнозах. Заклинание высало из меня почти все силы, и способность манипулировать магическим полем полноценно вернулась только через полчаса.

Чтобы проверить возможности «очень странного бура», Мирон повесил энергетический щит на одно из деревьев, растущих по периметру поляны. Командир, оказывается, умел кастовать данное заклинание не только на себя.

Выжимать из себя максимум еще раз я не собирался и теперь действовал куда аккуратнее. Воронка неспешно закручивалась в тугую спираль, направив свою вершину в сторону цели. С каждой секундой, с каждым витком магическая конструкция сжималась все туже, напитывая энергией центральную ось вращающегося конуса.

Возможности контролировать появившуюся воронку начали постепенно иссякать. Не дожидаясь, пока заклинание высосет из меня все силы, я отпустил тугую пружину воли, позволив магии действовать.

Гулкий взрыв оповестил нас, что испытания завершились успешно. В этот раз я оставил глаза открытыми и видел, как воронка выстрелила в дерево закрученной спиралью лучом, и тот, уткнувшись в защиту, начал ввинчиваться в нее, прогрызая себе путь. Через секунду защита сдалась напору магии, и дерево, стоявшее здесь не один десяток лет, получило сильнейший удар, едва не переломивший его пополам. Во все стороны полетели кора и влажные щепки.

– Мне нравится! – Мирон подлетел к искалеченному стволу. – Мне очень нравится то, что я вижу. Даррелл, надеюсь, ты сможешь объяснить мне, как такое повторить.

– Самому бы сперва понять.

– Поймешь. Ты же потомственный дворянин, в отличие от остальных на этой поляне. Не знаю, почему ты оружием так плохо владеешь, но магия у тебя точно в крови. Будем сюда ходить столько, сколько нужно. Если окажется, что я твои заклинания перенять не в силах, вернемся к обычным тренировкам.

– А мы? – не остался в стороне Витек.

– Нам с тобой сил не хватит, – неожиданно остудил пацана Берг.

– Правильно говоришь, – согласился Мирон. – Вы будете изучать простые, но очень полезные заклинания, и сейчас ваша задача – освоить «бур». Повторить магию Даррелла у вас точно не получится, но этого и не надо. Все, работайте. До заката еще далеко.

– Пожрать бы, – не успокаивался Витек.

– Пятый тебе в печень! – выругался командир. – Работай, а то испытывать новые заклинания будем на тебе. Через час перерыв на перекус сделаем.

Пацан недовольно пробухтел что-то, но игнорировать прямой приказ даже он не рискнул и присоединился к Берту, который уже приступил к освоению заклинания. Закусив от напряжения губу и закрыв для пушного эффекта глаза, пацан совершал пассы руками, пытаясь направить магию в нужное русло. Ну а я, в свою очередь, приступил к занятиям с Мироном, хотя правильнее будет сказать, к обучению Мирона.

Командир очень внимательно слушал мои невнятные объяснения, основанные большей частью на внутренних ощущениях, а затем начинал каст заклинания. Первая попытка, и из-под рук мужчины вырывается закрученный в спираль импульс, бессильно растекшийся по коре многострадального дерева.

– Так. Это обычный «бур», – нахмурился Мирон. – Давай еще раз. Говоришь, ты закручивал магическое поле, как воду в стакане?

– Да.

– Не получается что-то. Ладно, еще раз попробую.

Примерно через два часа, когда я еще несколько раз повторил «воронку» и почти охрип, объясняя командиру, как делаю заклинание, Мирон окончательно убедился, что с наскока освоить модифицированный «бур» не выйдет. Чувствовалось, что от своей идеи он не собирается отказываться, но мужчина решил взять тайм-аут на обдумывание проблемы, а нас в это время отправил натаскать валежника.

Сухих веток в округе хватало, так что гора топлива для ночного костра росла на глазах. Во время очередного похода Витек, тащивший практически небольшое дерево, спросил:

– Ну что, не вышло у командира ничего?

– Пока нет.

– Так ему и надо! Вот ведь гад, испытывать, говорит, будем на тебе заклинания!

– Витек, не воспринимай ты все так близко к сердцу. – улыбнулся я. – Сам-то чему-то научился?

– Вроде да, а вроде и нет. Я кручу, кручу эту магию, а она как колесо от телеги на одном месте вертится и все.

– А ты хоть представляешь, что такое бур?

– Ну, оно такое... вращается.

– О-о-о. Я, кажется, знаю, в чем твоя проблема. Ну-ка пойдем.

Витек с радостью бросил свою добычу и побрел за мной. Я же в это время пытался отыскать подходящую для моей задумки траву. Вскоре длинный лист неизвестного мне растения был сорван и торжественно вручен парнишке.

– Что это? – не понял Витек.

– Увидишь. Держи за край, не порви только, – ответил я и начал аккуратно скручивать лист так, чтобы получилось подобие сверла, получалось, правда, не очень, макет был крайне условным, но и его оказалось достаточно.

– А-а-а! – радостно воскликнул пацан. – Я тебя понял. Это и есть бур, да? Я что-то такое у плотника видел, не знал только, как называется. Ну теперь-то понятно, как его делать!

Обрадованный пацан напрочь забыл и про костер, и про приказ Мирона. Захваченный идеей освоить новое заклинание, он тут же умчался воспроизводить увиденный образ. И вскоре, когда на старом, обложенном камнями кострище, я уже разжег огонь, с края поляны послышались радостные крики – Витек, вероятно, сумел сделать что-то удобоваримое. На душе у меня потеплело, все-таки привязался я к этому шалопаю.

Не самый сытный обед, который, впрочем, мало чем отличался от завтрака, состоял из двух банок тушенки, разделенных на четверых, и пшенной каши. Вопрос с отсутствием воды Мирон решил с помощью магии, наполнив небольшой котелок прозрачной жидкостью за каких-то пару минут.

– Это точно вода? – Витек недоверчиво понюхал прозрачную жидкость. – Нас такому в интернате не учили.

– Вас многому не учили. – ответил командир. – Ты ведь знаешь, что в воздухе всегда есть немного влаги?

– Нет.

– Ну а роса хотя бы знаешь, откуда берется?

– Так из травы, наверное.

– Ясно все с тобой, – махнул рукой Мирон. – В общем, просто поверь на слово, вода в котелке нормальная. Не отравишься.

Остаток дня мы посвятили тренировкам. Пацаны осваивали «бур», я пытался ускорить каст «воронки», ну а Мирон раз за разом терпел неудачи в попытках повторить мое заклинание. Заливистая ругань то и дело оглашала поляну, когда из рук командира вместо необходимого магического конструкта вылетали безобидные всполохи энергии, так и не сформированные во что-либо конкретное.

Пока Мирон испытывал свои нервы на прочность, я пытался определить возможности нового заклинания. Скорость создания «воронки» оставляла желать лучшего. Секунд десять я тратил на то, чтобы закрутить энергию магического поля во вращающийся конус. Если время каста уменьшалось, то заклинание просто разваливалось, так до конца и не сформировавшись, если же наоборот увеличивать длительность, то в какой-то момент я терял контроль над силой, и энергия вырывалась из вершины воронки ярким лучом. И после этого я оставался полностью лишен хоть каких-нибудь магических возможностей на ближайшие десять-пятнадцать минут, ощущая при этом жуткую слабость.

– Да чтоб тебя, через колоду, да в прорубь! – огласил поляну очередной возглас Мирона. – Все, хватит. Взмок уже, как собака в парной, а толку ноль. То ли сил не хватает, то ли умения. Даррелл, ты точно ничего от меня не утаил?

– Точно.

– Значит не дано мне, – грустно констатировал мужчина.

– Я вот спросить хотел. «Бур» любые щиты пробивает?

– Так я не рассказал, что ли? Видимо нет. Ну слушайте тогда. И вы двое тоже! – командир окрикнул Витька с Бертом. – В бою маг может использовать несколько видов магической защиты. Есть универсальные щиты, как от физических атак, так и от любых энергетических. Вас такому в интернате учили. Неплохая вещь, если приходится биться с простыми людьми. Но в серьезной драке он не поможет.

– И что делать тогда?

– В схватке с магом я буду использовать несколько щитов одновременно. Один против огня, один против чистой энергии, против физических воздействий тоже можно.

– Три щита? Они же силы выпьют махом.

– Вот тут-то и кроется главная хитрость. Не надо напиться силой сразу все защитные сферы. Ты должен только поддерживать их в состоянии готовности и активировать в нужный момент.

– А как понять, когда этот момент вдруг станет нужным?

– Смотри.

Мирон поднял вверх правую руку, сжал ладонь, и вскоре на расстоянии десяти сантиметров от кулака появилась ярко-желтая точка. Прошла еще пара секунд, и вверх ударила мощная струя пламени. Огненный факел, будто созданный дыханием дракона, вырвался на свободу, полностью осветив поляну и заставив нас открыть рты от удивления.

– А мы зачем-то хворост таскаем, – в полной тишине прозвучал голос Витька.

– Не о том думаешь, курсант, – посмотрел на нас командир. – Видели, что происходило перед тем, как заклинание сработало?

– Свечение, – ответил Берт.

– Именно. Любая серьезная магическая атака требует времени и выдает себя по многим признакам. Опытный воин, видя, что предпринимает его враг, всегда успеет подготовиться и напитать силой нужный щит.

– То есть главное – знать все возможные виды атак?

– Не обязательно. Почти все огненные заклинания, например, выдают себя желтым свечением. Простой энергетический удар при подготовке тоже испускает свет, но уже красный.

– А можно как-то замаскировать свои намерения?

– Тяжело это, магам проще побольше силы вбухать в свою атаку, чтобы пробить щит, ну либо воспользоваться старой доброй сталью. Я уже говорил, два мага, равные по силе, зачастую не могут друг другу ничего сделать, и тут уже выиграет тот, кто лучше владеет оружием. Хотя вам об этом еще рано думать. Ну чего расселись? Работаем, работаем!

Темнеет в лесу быстро, а уж на окруженной деревьями поляне сумерки наступали того раньше, и пусть бездымный огонь, висящий в центре нашего укрытия, давал достаточно света, чтобы не ходить вслепую, тренировку мы прекратили. Чувствовал я себя прескверно. Работа с магией до полного истощения внутренних резервов плохо сказывалась на организме. Жутко хотелось спать, и как только командир объявил отбой, я, не заморачиваясь с палаткой, соорудил себе подобие подстилки и рухнул на нее, укрывшись одеялом, после чего мгновенно вырубился, поблагодарив богов напоследок, что в месте силы практически отсутствовали насекомые.

Пение птиц оказалось отличным будильником. Едва только рассвело, как над головой засвистели, запищали, зацокали и еще много-много за...

Открыв глаза, я какое-то время просто смотрел в светлеющее небо, не рискуя шевелиться. При воспоминаниях о вчерашнем дне появлялись у меня опасения, что любое движение принесет тянущую боль во всем теле. Однако через несколько минут стало очевидно, что самочувствие мое если не было прекрасным, то находилось близко к этому состоянию. Я полностью восстановился за ночь! Место силы показало себя с еще одной стороны. Здесь бы санаторий построить для отдыха и лечения.

Витек и Берт все еще спали. Они, в отличие от меня, озаботились палатками и ночевали, можно сказать, в комфорте. Мирон, как оказалось, уже бодрствовал. Командир сидел возле потухшего костра, задумчиво водя палкой по остывшему пеплу.

Лучшего момента, чтобы узнать командира получше, и представить было трудно. С этим человеком нам еще долго предстояло находиться рядом, и мне хотелось понять, чем он живет и какие сюрпризы от него можно ждать.

– Утро доброе, – поприветствовал я Мирона, стараясь говорить тихо.

– Угу, – кивнул мужчина и, глянув на наручные часы, добавил: – Рано ты встал, отсыпайся иди.

– Не усну больше. Мирон, долго вы уже служите?

– Девять лет, считай. Девять лет. Быстро время летит.

– Много это для выпускника интерната?

– Много. Очень.

– А сколько еще осталось? Нет, я знаю, что рядовые через десять лет уходят из армии, если захотят, но что насчет нас – интернатовских? Как-то эту тему на занятиях обходили.

– Пятнадцать лет. Могут и раньше вручить титул, если подвиг совершишь. Вроде и немного совсем, да? Живем мы благодаря магии дольше обычных людей, а все равно, целых пятнадцать лет. Знал бы ты, парень, скольких я за это время друзей потерял. Я ведь первые пять лет не здесь служил. В центральной заставе, чтоб ее. Сколько раз она горела уже, так ведь нет, отстраивают заново.

– Каспийские поджигают?

– Угу, – угрюмо кивнул Мирон. – Налетит, бывало, отряд магов человек пятьдесят... А ты потом обугленные трупы вытаскиваешь из-под завалов. Шесть лет мне осталось. Шесть лет.

– Стоит дворянство того?

Командир тряхнул головой, будто очнувшись ото сна, и внимательно посмотрел на меня:

– Шел бы ты, Даррелл... будить остальных. Нашел о чем спрашивать. Вот ведь. – Мирон явно был раздосадован разговором. Видимо, тема оказалась для него достаточно щепетильной.

Мне еще очень многое хотелось узнать. Например, бывают ли случаи дезертирства среди выпускников интерната и имеются ли в армии какие-нибудь надзорные органы, но, вспомнив характеристику Мирона, услышанную от Леонида, я прекратил разговор и отправился расталкивать похрапывающих пацанов. Мало ли как отреагирует Мирон на подобные вопросы, к тому же на поляне стало уже достаточно светло для утренней разминки и завтрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.